

РУСЛАН
СКРЫННИКОВ

НАЧАЛО
ОПРИЧНИНЫ

Руслан Скрынников

Начало опричнины

Серия «Русская история»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66674248

Начало опричнины: Издательство Родина; М.; 2022

ISBN 978-5-00180-396-6

Аннотация

Опричнина. Это слово вызывает множество ассоциаций: от пыток и казней, творимых кровожадными «кромешниками», до образа Ивана Грозного и его верных слуг как выдающихся реформаторов и сторонников прогресса.

Известный историк, ученый с мировым именем Руслан Григорьевич Скрынников, анализирует политическое развитие страны, приведшее к опричнине, ее социальную структуру, земельную политику на первом этапе существования опричнины. Внутренняя история опричнины рассматривается в неразрывной связи с событиями Ливонской войны, оказавшей исключительное влияние на судьбы России, ее экономику и жизнь народа.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	5
Историография	8
Обзор источников	29
Конец ознакомительного фрагмента.	89

**Руслан Григорьевич
Скрынников
Начало опричнины**

© Скрынников Р.Г., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Введение

В историографии русского Средневековья трудно найти сюжет, который бы породил столько разногласий и споров, сколько их породила история опричнины. Одни видели в опричнине плод больного воображения царя Ивана Васильевича, считали ее исторической случайностью. Для других опричнина была целенаправленной, обдуманной реформой, образцом государственной мудрости и выражением объективной необходимости. В самое последнее время появились крупные монографические исследования по истории опричнины, но и сейчас споры, вызванные ею, далеки от своего завершения. В общем виде не вызывает возражений тот факт, что бурные события опричнины явились лишь кратковременным эпизодом в длительном развитии России от феодальной раздробленности к абсолютизму. В конечном счете опричнина была вызвана к жизни столкновением между могущественной феодальной аристократией и поднимающейся самодержавной монархией. Само это столкновение, строго говоря, никакой загадки в себе не заключает. Загадку составляет вопрос, при каких обстоятельствах подобный конфликт, вообще говоря, обычный, мог привести к кровавой драме опричнины, к невиданному опричному террору, быстро переросшему начальные узкие рамки конфликта.

Вопреки весьма распространенному взгляду, опричная

политика никогда не была последовательной политикой с едиными принципами, неизменными на протяжении всего ее существования. Развитие опричнины отмечено многими противоречиями и поворотами. На первом этапе опричная политика носит в основном антикняжескую направленность, свидетельством чему служит указ о казанской ссылке и массовая конфискация княжеских вотчин. Возвращение из ссылки опальных княжат, созыв Земского собора в 1566 г. и другие меры, связанные с полосой компромисса в истории опричнины, знаменуют конец первого этапа. Основным содержанием второго этапа опричнины, с политической точки зрения, явился грандиозный процесс о заговоре Старицкого, завершившийся казнью руководителей опричного правительства, земской Боярской думы и разгромом Новгорода. Главными жертвами массового террора опричнины в этот период были старомосковские бояре, руководители церкви, высшая приказная администрация, отчасти дворяне, т. е. те самые слои господствующего класса, которые составляли наиболее прочную, традиционную опору монархии. Последними жертвами опричнины были ее собственные творцы и вдохновители. В плане политическом опричнина в конечном итоге упрочила аппарат власти Русского централизованного государства. В плане социально-экономическом ее главными результатами были рост феодального гнета, усиление крепостнических тенденций, а также углубление хозяйственного кризиса, достигшего высшей точки после опричнины в 80-

х гг. XVI века.

Настоящая монография представляет первую часть исследования автора по истории опричнины. В ней подробно исследованы политическое развитие страны, приведшее к опричнине, социальная структура опричнины, наконец, опричная земельная политика на первом этапе ее существования. Внутренняя история опричнины рассматривается в неразрывной связи с событиями Ливонской войны, оказавшей исключительное влияние на судьбы страны, ее экономику и жизнь народа.

Во второй части исследования, подготовленной автором к печати, рассматривается последний период в истории опричнины и ее отмена в 1572 году. Основное внимание здесь уделено раскрытию механизма опричного террора, выяснению вопросов о социальных и экономических последствиях опричнины и ее историческом значении.

Историография

В дворянской историографии проблема опричнины исследовалась преимущественно в плане оценки личности Грозного и его деятельности. Идеолог абсолютизма В.Н. Татищев оправдывал Грозного и опричнину, укрепившую «монаршеское правление», и с крайним осуждением отзывался о бунтах и изменах «некоторых безпутных вельмож»¹. По мнению дворянского историка И.Н. Болтина, Грозный ликвидировал «самодержавные владения» вельмож². С противоположной точки зрения рассматривал опричнину представитель родовитой аристократии князь М.М. Щербатов. Для него гонения на бояр были результатом самовластия Грозного, следствием низости его сердца и неосновательных подозрений против знати³.

Н.М. Карамзин рассматривал опричнину с тех же позиций, что и М.М. Щербатов. В его глазах начало царствования Грозного было временем крупнейших успехов монархии и «славных деяний» царя. После смерти царицы Анастасии Романовой в душе Грозного произошла ужасная перемена⁴. Окружив себя злодеями-опричниками, царь безжалостно губил бояр, которые не сопротивлялись ему⁵. В опричнине Н.М. Карамзин видел некую психологическую загадку, а ее оценку сводил к нескольким моральным сентенциям.

В «Истории» Н.М. Карамзина собран громадный фактический материал, приведены многие источники, относящиеся к истории опричнины. Но в его труде исторический прогресс отождествляется с укреплением самодержавия. Вся концепция проникнута консервативно-охранительным духом. Написанная пером талантливого художника, «История» Карамзина оказала сильное влияние на работы последующих историков от М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова до Д.И. Иловайского⁶.

Историческая концепция Н.М. Карамзина встретила решительные возражения со стороны декабристов, отвергавших попытку исторического оправдания самодержавия и заявлявших, что история народа принадлежит самому народу, а не царю. В историографии дворянских революционеров тиранство Грозного и его опричников подверглось осуждению⁷.

Буржуазное направление в русской историографии сложилось к середине XIX века. В трудах буржуазных историков была поставлена проблема закономерности русского исторического процесса. К.Д. Кавелин рассматривал опричнину в плане завершения борьбы между государством и «вельможеством». В опричнине царь пытался «создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество»⁸. По мнению К.Д. Кавелина, деяния Грозного имели глубокие объективные причины⁹. С.М. Соловьев, как и К.Д. Кавелин, ви-

дел главную закономерность истории России XVI века в переходе от княжеских отношений к государственным. Причина завершила длительную борьбу государственного начала с родовым, олицетворявшимся аристократическим боярством¹⁰. Борьба царя с боярством была связана с усилением служилого сословия. «История» С.М. Соловьева имела для своего времени выдающееся значение. С.М. Соловьев анализирует историю как закономерный процесс. Но в его концепции развитие государственных форм выступает как главная пружина исторического процесса.

С критикой концепций С.М. Соловьева выступили историки-славянофилы. К.С. Аксаков отвергал самую возможность сопротивления боярства самодержавию и старался доказать исконное единство власти и «земли» в допетровской Руси¹¹. Историческая схема славянофилов имела сугубо реакционный смысл.

Революционные демократы рассматривали борьбу монархии с боярством в плане укрепления государства. В.Г. Белинский считал, что Грозный довершил уничтожение уделов¹².

А.И. Герцен обличал кровавый произвол опричнины, но в то же время писал, что тирания Грозного оправдывалась государственными целями¹³. Н.Г. Чернышевский отмечал тесную связь самодержавной власти с дворянством и резко критиковал С.М. Соловьева за его оценку деятельности Ива-

на IV¹⁴. Революционные демократы подходили к раскрытию исторической закономерности с совершенно иных позиций, нежели представители буржуазной историографии.

Буржуазно-дворянские историографы второй половины XIX в. К.Н. Бестужев-Рюмин и Е.А. Белов оправдывали борьбу Грозного с боярством. По мнению К.Н. Бестужева-Рюмина, опричнина была важным шагом к развитию понятия государства¹⁵. Е.А. Белов утверждал, что с помощью опричнины царь «отвратил от России опасность господства олигархии ее», уничтожил связи княжеской знати с ее прежними уделами и т. д.¹⁶. Противоположного взгляда придерживался Н.И. Костомаров, считавший опричнину учреждением бессмысленным и бесполезным, результатом деспотизма и тирании нервного царя¹⁷.

Крупнейший представитель буржуазно-либеральной историографии В.О. Ключевский дал схему опричнины, отмеченную печатью эклектизма. Опричнина, по его мнению, была порождением основного противоречия политического строя Московского государства, противоречия между абсолютной монархией и аристократическим персоналом государства, правящим боярством. Не умея ни поладить, ни расстаться, обе стороны попытались разделиться, выражением чего и явилась опричнина. Царь не имел возможности сокрушить неудобный для него правительственный строй и стал истреблять отдельных подозрительных лиц, действуя как не

в меру испугавшийся человек. Опричнина была направлена против лиц, а не против порядка, и в этом состояла ее политическая бесцельность. В конечном счете она оказывается явлением чисто случайным, плодом чересчур пугливого воображения царя и т. д.¹⁸ Интересно, что В.О. Ключевский, анализируя социальные особенности опричнины, определял ее как дворцовое хозяйственно-административное учреждение и усматривал в ней «пародию удела». Попытка анализа социально-политических противоречий общества в работах В.О. Ключевского имела положительное значение. Однако В.О. Ключевский полностью игнорировал классовые противоречия как основу социальной структуры государства и утверждал, будто политика самодержавия отвечала интересам всех сословий, сотрудничавших во имя общего дела.

Дальнейшая разработка проблемы опричнины связана с именем С.Ф. Платонова. По мнению С.Ф. Платонова, Грозный отстаивал «принцип единовластия как основание государственной силы и порядка»¹⁹. В глазах С.Ф. Платонова опричнина была важной государственной реформой, укрепившей самодержавную монархию. Отказавшись от детального исследования фактов, С.Ф. Платонов на основании общего обзора территории опричнины сделал вывод, будто в опричнину попали «как раз те местности, где еще существовало на старых удельных территориях землевладение княжат, потомков владетельных князей». Отсюда он заключил, что опричнина «подвергла систематической ломке вотчин-

ное землевладение служилых княжат вообще на всем его пространстве», что в опричнине «произошел полный разгром удельной аристократии»²⁰. В концепции С.Ф. Платонова период опричнины и вся вторая половина XVI в. рассматриваются как время государственного кризиса, вылившегося в смуту в начале XVII в. Причины кризиса коренились в политическом противоречии между московской властью и родовым боярством и в социальном противоречии служилых землевладельцев и «рабочей массы»²¹. В работе С.Ф. Платонова поставлен вопрос о социальных последствиях опричной политики.

Н.П. Павлов-Сильванский рассматривал строй средневековой России как феодальный, но феодализм понимал не как способ производства, а как совокупность политических признаков, соответствующих феодальной раздробленности. Согласно его концепции, в опричнине произошла грандиозная конфискация остатков наследственных уделов княжат, политическое влияние которых было окончательно сокрушено²². Тем самым завершился переход от феодальной Руси (XIII – середина XVI в.) к сословному государству (с середины XVI в.). Н.П. Павлов-Сильванский придавал исключительное значение деятельности Земских соборов, служивших органами сословной монархии и тождественных в его глазах с парламентами Западной Европы в период Средневековья.

Н.А. Рожков попытался объяснить историю опричнины в

связи с экономическим развитием России во второй половине XVI в. Он полагал, что в тот период Россия пережила глубокий экономический переворот: на смену натуральному хозяйству пришло денежное, и наступил конец феодализму. Отражением этого переворота явилась опричнина, один из эпизодов «дворянской революции», которая передала власть «от удельной, княжеско-боярской знати к дворянству в его массе»²³. Воззрения Н.А. Рожкова не выходили за рамки экономического материализма.

В известной мере от влияния экономического материализма не свободны также работы М.Н. Покровского, видного представителя советской марксистской историографии. М.Н. Покровский считал, что в XVI веке в России утверждается торговый капитал, происходит разрушение крупной вотчины и утверждение помещичьего хозяйства. Опричнина экспроприировала богатого боярина-вотчинника в пользу мелкопоместного дворянина, в результате рядом со старым, боярско-вотчинным государством возникло новое, дворянско-помещичье²⁴.

Исследование истории с позиций марксизма-ленинизма открыло широчайшие возможности перед советской историографией. Центральное место в исследованиях по русской истории XVI в. заняли кардинальные проблемы социально-экономического и политического развития страны: проблемы закрепощения крестьян и классовой борьбы, изживания остатков феодальной раздробленности и становления

централизованного государства.

Исследование опричнины в советской историографии 20–40-х гг. связано с именами П.А. Садикова, С.В. Бахрушина и И.И. Смирнова. Труд П.А. Садикова «Очерки по истории опричнины» посвящен главным образом проблемам развития финансово-административных органов управления в годы опричнины. Эта работа сохраняет и сейчас бесспорную ценность как фактическое исследование. Но автор ее остается целиком в рамках платоновской концепции опричнины. Вывод о сокрушении княжеско-боярского землевладения подкрепляется указаниями на территориальный состав опричнины. Последнему вопросу П.А. Садилов уделяет особое внимание²⁵. Большой научный интерес представляют разыскания П.А. Садилова по истории землевладения в годы опричнины и его обширные публикации поземельных актов периода опричнины²⁶.

Несколько небольших очерков по истории опричнины принадлежат перу И.И. Полосина. Положительным моментом его исследования является постановка широких социальных проблем. Опричнина для И.И. Полосина – это «система царско-дворянской политики в организации военно-служилого поместного дворянства, в разгроме бояр, в оформлении крепостничества» и т. д.²⁷. Многие страницы очерков Полосина посвящены определению понятия опричнины, однако эти определения носят слишком общий, уни-

версальный характер²⁸. Для последних работ И.И. Полосина характерен сильный налет идеализации политики Ивана Грозного.

Особое место в советской историографии середины 40-х гг. занимают работы Р.Ю. Виппера, С.В. Бахрушина и И.И. Смирнова под аналогичными названиями «Иван Грозный»²⁹. Упомянутые работы невелики по объему и имеют в целом научно-популярный характер. Р.Ю. Виппер рассматривает опричнину как крупнейшую военно-административную реформу, выросшую из трудностей Ливонской войны. Творец опричнины выступает под его пером как гениальный организатор и вождь крупнейшей державы, патриот, повелитель народов³⁰.

С.В. Бахрушин и И.И. Смирнов рассматривают опричнину в плане становления централизованной монархии и разгрома боярско-аристократической оппозиции. Но поскольку они не приводят нового фактического материала, исходным моментом в их построениях является тезис С.Ф. Платонова относительно широкой конфискации княжеско-боярского землевладения на территории опричнины.

По мнению С.В. Бахрушина, «опричнина была направлена против тех слоев феодального общества, которые служили помехой развитию сильной государственной власти, в первую очередь против крупных феодалов». Опричная реформа «должна была с корнем вырвать все пережитки фе-

одальной раздробленности, сделать невозможным даже частичный возврат к ней и тем самым обеспечить военную оборону страны». Царь проводил опричную политику, опираясь на мелкое и среднее дворянство и отчасти посадское население³¹.

И.И. Смирнов видит исторический смысл опричнины в том, что она «окончательно и навсегда сломила боярство, сделала невозможной реставрацию порядков феодальной раздробленности и закрепила основы государственного строя Русского национального государства». И.И. Смирнов считает, что опричные реформы подорвали экономическую основу могущества боярства и привели к разгрому княже-ско-боярской реакции³².

Как С.В. Бахрушин, так и И.И. Смирнов признавали за опричниной значение бесспорно прогрессивного явления и характеризовали царя Ивана Грозного как крупнейшего, выдающегося государственного деятеля своего времени. Подобная идеализация Грозного и его опричной политики была обусловлена рядом причин, одной из которых было влияние на историографию высказываний Сталина об опричнине.

Изложенная точка зрения стала доминирующей и получила широкое распространение в учебной литературе тех лет. Но у нее нашлись также противники, в числе которых был академик С.Б. Веселовский, крупнейший знаток опричнины.

С.Б. Веселовский не имел возможности довести до конца

свои исследования по опричнине. При его жизни была опубликована лишь небольшая часть его исследований, а именно источниковедческие работы и статьи по истории земельной политики опричнины³³. Отметим, что эти работы представляют наибольшую ценность в научном наследии С.Б. Веселовского. В полном виде исследования С.Б. Веселовского увидели свет спустя много лет после его смерти.

Значение работ С.Б. Веселовского определяется следующими моментами. Во-первых, он резко возражал против идеализации личности Грозного³⁴. Во-вторых, автор ввел в научный оборот большой фактический материал и доказал несостоятельность гипотезы С.Ф. Платонова относительно зачисления в опричнину центров удельно-княжеского землевладения³⁵. Тем самым он способствовал критическому преодолению ошибочных концепций истории опричнины. Но окончательные выводы С.Б. Веселовского ценны скорее в негативном, чем в позитивном плане. За отправной момент исследования он принимает схему В.О. Ключевского, лишь несколько видоизменяя ее. На почве политических противоречий Московского государства, писал В.О. Ключевский, разразился кровавый конфликт царя с его боярством. Правильнее сказать, дополняет С.Б. Веселовский, конфликт царя с дворянством, правящей вершиной класса служилых землевладельцев³⁶. До опричнины, замечает В.О. Ключевский, в политическом строе Московского государства не бы-

ло учреждения, которое бы ограждало личную безопасность царя, и только в опричнине такое учреждение было создано. Неверно, возражает С.Б. Веселовский, такое учреждение издавна было, это «государев двор», исконное учреждение русских князей: остается лишь исследовать, как и почему царь Иван утратил веру в старый государев двор и стал искать безопасность в новом опричном дворе³⁷.

В первых же очерках Веселовский подробно излагает, как царь Иван, тяготясь опекой Сильвестра и бояр, «пришел в конце концов к мысли отделаться от них, но как это сделать, не знал, и запутался»³⁸. Вначале боярство якобы не принимало сколько-нибудь заметного участия в борьбе между царем и его советниками. Только на втором этапе борьбы Ивана за неограниченное самодержавие он должен был «выйти из узкого круга интимных советников... и войти в конфликт со всем исторически сложившимся строем Государева двора»³⁹. Обойтись в управлении без старого двора было невозможно, бороться с ним становилось небезопасно. Выход царь Иван нашел в том, что удалился из старого двора и устроил новый, опричный, с целью обеспечить себе личную безопасность и получить свободу действия⁴⁰. Отъезд царя в Коломенское был началом жестокой схватки его со своими дворянами, ибо царь порывал не с одними княжатами и боярами, а со всем старым двором⁴¹.

Как мы видим, С.Б. Веселовский сводит весь конфликт

опричины к переходу Грозного из одного «двора» в другой и столкновению монарха со всем дворянством в целом. Классовый характер самодержавия как дворянской монархии полностью игнорируется, правительство рассматривается как надклассовая сила⁴².

Многие выводы С.Б. Веселовского отличаются субъективизмом. Так, автор явно преувеличивает значение такого факта, как смерть царицы Анастасии в 1560 году. «При жизни Анастасии, – пишет он, – царь был плохо обузданным конем, а после ее смерти и вовсе разнузданся»⁴³. Анализируя причины падения Избранной рады, С.Б. Веселовский основное внимание уделяет личным взаимоотношениям царя с его ближайшим окружением. Первые опалы были следствием столкновения царя со своими родственниками. Последующие опалы вызваны были тем, что «участники схватки покатались по наклонной плоскости ожесточения, на которой невозможно было остановиться» и т. д.⁴⁴

Следуя концепции В.О. Ключевского, С.Б. Веселовский считал, что опричина и вообще опалы Ивана Грозного свелись к уничтожению лиц и не изменили общего порядка. Он предлагал оставить старый предрассудок, согласно которому казни царя Ивана были направлены в лице бояр и княжат против крупных феодалов⁴⁵.

С.Б. Веселовский не успел, а точнее не имел возможности завершить свою работу. Многие из его очерков сохрани-

лись в виде черновиков, отчасти незавершенных, содержащих фактические неточности.

Решения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза оказали благотворное влияние на развитие советской исторической мысли. Развернувшаяся вскоре после съезда научная дискуссия затронула многие разделы истории русского Средневековья. В статьях С.М. Дубровского и В.Н. Шевякова были подвергнуты критике ошибки в освещении опричнины и идеализация деятельности Грозного⁴⁶. В.Н. Шевяков предпринял попытку немедленного решения основных проблем опричнины без привлечения достаточного фактического материала, но эта попытка оказалась неудачной⁴⁷.

В новейшей историографии с работами по истории опричнины выступили А.А. Зимин, В.Б. Кобрин и С.М. Каштанов.

В.Б. Кобрин продолжил исследования Г.Н. Бибикова и С.Б. Веселовского⁴⁸. Он собрал и детально проанализировал большой фактический материал относительно персонального состава опричного двора Грозного⁴⁹. С.М. Каштанов исследовал иммунитетную политику в годы опричнины⁵⁰.

Наиболее крупное монографическое исследование по истории опричнины принадлежит перу А.А. Зиминой. В работе систематизирован громадный фактический материал, накопленный историографией к настоящему времени. Наиболее подробно в работе исследуется политическая исто-

рия опричнины. Автор уделяет пристальное внимание также социальным проблемам опричнины. Что касается общей концепции опричнины, созданной А.А. Зиминим, то она представляется нам противоречивой. А.А. Зимин полностью принимает вывод С.Б. Веселовского о том, что опричная земельная политика не имела антикняжеской или антибоярской направленности⁵¹, «...ни о каком разгроме “боярства” в XVI веке не может идти и речи»⁵². Но он не разделяет вывода С.Б. Веселовского о бессмысленности опричнины и утверждает, что опричнина хотя и не имела антибоярской и антикняжеской направленности, все же сокрушила остатки феодальной раздробленности на Руси, «...основной смысл опричных преобразований, – пишет А.А. Зимин, – сводился к завершающему удару, который был нанесен последним оплотам удельной раздробленности»⁵³. Подобное мнение давно высказывалось в литературе, но в работе А.А. Зимина оно получает неожиданное и парадоксальное разрешение.

А.А. Зимин объявляет носителями удельной раздробленности те социальные силы, учреждения и территории, которые более всего пострадали от опричного террора. «Ко времени введения опричнины, – пишет А.А. Зимин, – наиболее мощными форпостами удельной децентрализации в России были Старицкое княжество, Великий Новгород и церковь»⁵⁴.

Такая точка зрения представляется нам спорной. Всероссийская церковь на протяжении многих веков служила мощным орудием в руках великокняжеской и царской власти. Она деятельно помогала князьям в объединении русских земель, проповедовала теорию божественного происхождения власти московских самодержцев и т. д. Редкие недоразумения и раздоры между светскими и духовными властями, случавшиеся иногда, объяснялись вполне конкретными причинами. Очень часто они были простым отзвуком борьбы, происходившей в среде правящего боярства, с которым руководители церкви были связаны прочными нитями. Следовательно, считать церковь форпостом удельной децентрализации нет достаточных оснований.

Что касается Новгорода Великого, то он был включен в состав Русского государства окончательно и бесповоротно почти за столетие до опричнины. Ни в одной другой земле мероприятия, призванные гарантировать объединение, не проводились с такой последовательностью, как в Новгороде. Именно здесь Москва произвела невиданную массовую экспроприацию всех местных феодальных землевладельцев (крупных бояр, купцов и житейных людей), а на их место водворила московских дворян-помещиков. В XVI веке московские порядки прочно утвердились в Новгороде. Москва постоянно назначала и сменяла всю приказную и церковную администрацию Новгородской земли, распоряжалась всем фондом новгородских поместных земель и т. д. Пресло-

вутый новгородский сепаратизм был побочным продуктом острых социальных противоречий в Новгороде, следствием недовольства низов обременительными царскими податями, угнетением со стороны московских помещиков и московской администрации. Новгород весьма сильно пострадал от опричного террора, но считать его оплотом удельной децентрализации едва ли возможно.

Представляется, что носителями традиций и пережитков удельной раздробленности была в XVI веке княжеско-боярская знать в целом от удельных владык до многочисленных потомков местных удельных династий князей Суздальских, Ярославских и пр., располагавших колоссальными земельными богатствами. В своем исследовании А.А. Зимин не может игнорировать многочисленных антикняжеских и антибоярских репрессий опричнины, но каждый раз он низводит их на степень случайных фактов, объясняя мелкими служебными провинностями бояр⁵⁵. С таким истолкованием антибоярских репрессий согласиться трудно. Предположение, будто представители знатнейших фамилий, владельцы наследственных уделов и т. д. могли быть подвергнуты ссылке или казнены из-за ничтожных служебных провинностей, совершенно не соответствует духу и структуре феодальной иерархии⁵⁶.

Опричные репрессии против княжат и бояр явились в конечном счете бессмыслицей: монархия не имела особых причин для гонений против боярства. По словам А.А. Зимины,

«...последние работы по истории... политической борьбы в XVI веке показывают, что нельзя усмотреть «децентрализованные» тенденции, стремление воскресить времена феодальной раздробленности ни у одной из групп княжеско-боярской знати. Речь может идти лишь о борьбе за различные пути централизации государства»⁵⁷. Единственным исключением в этом плане был удельный князь В.А. Старицкий, владения которого, по мнению А.А. Зимина, были самым «мощным форпостом» раздробленности и удельной децентрализации. В XVI веке на Руси было не менее дюжины других крупных уделов, но все они были остатками «удельной обособленности», не представлявшими никакой политической опасности для самодержавной власти⁵⁸.

Остается непонятным, почему только один из уделов был опасным носителем удельной децентрализации, все же прочие группировки княжеско-боярской знати от удельных князей с боярским титулом до многочисленных потомков местных удельных династий стали в XVI веке поборниками московской централизации⁵⁹.

Касаясь принципиального значения опричнины, А.А. Зимин утверждает, будто опричная борьба с удельной децентрализацией (политический аспект опричной политики) «в какой-то мере отвечала потребностям горожан и крестьянства, страдавших от бесконечных междоусобных распрей феодальной аристократии»⁶⁰. Но в практическом своем осу-

ществлении «опричина в первую очередь мучительно отозвалась на русском крестьянине...»⁶¹.

Исследование классовых аспектов опричнины приводит А.А. Зимина к следующим выводам. «Годы опричнины явились новым этапом в истории антифеодальной борьбы крестьянства. В отличие от предшествующего времени, ареной классовых битв были уже широко охвачены не отдельные села и деревни, а вся страна. Голос стихийного протеста слышался в каждом русском селении»⁶².

Не подлежит сомнению, что опричина укрепила феодальную монархию и тем самым упрочила власть крепостников-помещиков над эксплуатируемыми массами народа, следовательно, ее глубочайшие корни нужно искать в социальных и классовых противоречиях. Но представляется весьма спорным вывод А.А. Зимина относительно резкого обострения классовой борьбы в период опричнины. Остается непреложным фактом, что за все время опричнины в стране не произошло никаких массовых антифеодальных выступлений крестьянства. Из работы А.А. Зимина следует, что основной формой сопротивления крестьян феодалам в годы опричнины было повальное бегство их на окраины⁶³. Но считать бегство крестьян формой «классовых битв» и новым этапом в истории антифеодальной борьбы крестьянства едва ли возможно. В середине XVI в. наиболее крупные антифеодальные выступления происходят не в деревне, а в го-

родах. Городские антифеодальные движения достигают высшей точки в конце 40-х гг. XVI в., т. е. задолго до опричнины. После подавления восстания в Москве в 1547 г. городские движения на длительное время приходят в глубокий упадок.

* * *

В зарубежной историографии наиболее серьезное научное значение имеют труды историков Польши и ГДР, посвященные изучению экономических и политических связей России с соседними странами в XVI в.⁶⁴. Интересными представляются работы буржуазных исследователей по истории внешней политики и торговли России в XVI в.⁶⁵, истории общественной мысли⁶⁶, а также источниковедческие статьи⁶⁷.

К различным направлениям буржуазной историографии дореволюционной России примыкают работы Л.М. Сухотина, В.Б. Ельяшевича и С.Г. Пушкарева⁶⁸. Л.М. Сухотин, опубликовавший в 30-х гг. ряд работ по истории опричнины, оспаривал концепцию С.Ф. Платонова и утверждал, что в опричнине не было «государственного смысла»⁶⁹. С.Г. Пушкарев видел в опричнине главным образом вакханалию убийств и грабежа и отрицал за ней всякое историческое значение⁷⁰. Сторонником платоновской концепции выступ-

пил В.Б. Ельяшевич⁷¹. Многие работы зарубежных буржуазных историков, посвященные Грозному, имеют популярный характер и не вносят ничего нового в историографию вопроса⁷².

* * *

Общий обзор историографии опричнины позволяет сделать вывод о том, что многие важнейшие проблемы опричнины до настоящего времени исследованы недостаточно. Наибольшие споры в литературе вызывает вопрос о целях и значении опричнины Грозного. Чтобы разрешить его, необходимо детально изучить политическую историю 60–70-х гг. XVI в. и прежде всего историю развития и укрепления Русского централизованного государства. Весьма важное значение имеет дальнейшая разработка социальных аспектов опричнины и всестороннее исследование вопроса об экономических последствиях опричнины, ее влиянии на последующее закрепощение крестьян.

Обзор источников

В новейших работах по истории опричнины приведены подробные и достаточно полные обзоры источников по истории опричнины⁷³. Это избавляет нас от необходимости повторного перечисления источников и дает возможность сосредоточить внимание на анализе наиболее важных памятников.

В настоящей работе использованы все основные источники, относящиеся к опричнине, от писцовых⁷⁴ и Разрядных⁷⁵ книг, Посольских дел⁷⁶ и различных монастырских документов⁷⁷ до разнообразных летописных материалов, писем и мемуаров.

Главное затруднение, с которым сталкивается любой исследователь опричнины, состоит в скудости, фрагментарности сохранившихся источников. Подлинные опричные архивы погибли почти полностью во время московского пожара в 1571 г. Из громадного фонда опричного делопроизводства до наших дней дошли лишь единичные документы. Государственный земский архив времен опричнины также очень сильно пострадал от многочисленных пожаров, вражеских нашествий (1612, 1812 гг.) и т. д.

Скудость источников, невозможность проверить показания одного памятника путем сличения его со многими дру-

гими делают особо необходимыми специальные источниковедческие разыскания. В настоящем разделе дан критический обзор некоторых наиболее важных источников по истории опричнины: летописей, писем, мемуаров, духовных грамот, синодика опальных.

Официальные **московские летописи** в различных редакциях и списках представляют собой ценнейший источник по политической истории 50–70-х годов. Непосредственное участие в редактировании и переработке летописного свода принимали сначала А.Ф. Адашев, а позже царь Иван.

А.Ф. Адашев участвовал в составлении и редактировании таких летописных сводов, как «Летописец начала царства» за 1534–1553 гг. и различные его продолжения за 1553–1560 гг.⁷⁸. Тщательно анализируя текст «Летописца начала царства», А.А. Зимин пришел к выводу, что автор его «во-первых, принадлежал к числу противников осифлян и, во-вторых, был противником боярского своеволия». «Вероятнее всего, – пишет он, – составителем летописца был Алексей Адашев или кто-либо из его окружения»⁷⁹.

В начальных разделах летописи (до 1550 г.) мы находим очень немногие следы редакторской деятельности Адашева. Среди записей за 1549–1550 гг. вовсе отсутствуют сведения о «соборе примирения», принятии нового Судебника, первых приговорах о местничестве, вовсе не упоминается имя Адашева и т. д.⁸⁰. Только в последнем разделе «Летописца»,

многословной «Повести о казанском взятии», со всевозможными подробностями описана деятельность Адашева как одного из главных руководителей восточной политики, часто упоминаются имена членов его кружка и т. д. Все это указывает на причастность кружка Адашева к составлению «Повести»⁸¹.

Деятельное участие Адашев принимал в составлении Продолжения «Летописца начала царства» за 1556–1560 гг. Известно, что, отправляясь в Ливонию в мае 1560 г., Адашев захватил со своей походной канцелярией составленные им материалы для «летописца лет новых». В царском архиве хранился «обыск князя Ондreja Петровича Телятевского в Юрьеве Ливонском про Олексееву смерть Адашева, и списки черные, писал (Адашев. – *P.C.*) память, что писати в *летописец лет новых*, которые (списки. – *P.C.*) у Олексея взяты»⁸² (Курсив наш. – *P.C.*).

Телятевский выполнил свою миссию и отвез в Москву найденные им черновые списки летописца, писанные Адашевым, после чего летописанием стало заведовать новое лицо, кажется, дьяк И.М. Висковатый. Этот последний собирал материалы для последующего летописца (за годы с 1560 (7068) и позднее) и хранил их в отдельном ящике своего архива. В описи архива означен «Ящик 224. А в нем списки, что писати в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го до лета 7074-го и до 76-го»⁸³.

Переход летописания из рук Адашева в руки других лиц после опалы его в 1560 (7068) г. очень точно прослеживается на основании текста летописи. В некотором отношении записи за 1559–1560 гг. напоминают черновые заготовки-материала: события тут датируются месяцами, почти полностью отсутствуют поденные записи. Так, за полтора года с января 1559 г. и до лета 1560 г. в летописи помечены лишь семь точных дат (17.01, 21.01, 27.01, 24.04, 1.10, 1.12 1559 г. и 20.02 1560 г.)⁸⁴. Манера изложения решительно меняется с записей за июль 1560 г., когда в летописи начинают преобладать поденные записи (за 13.07, 17.07, 19.07, 2.08, 6.08, 7.08 и т. д.)⁸⁵. Заметно меняется внешнее оформление текста. До появления поденных записей материал летописи дробился на отдельные отрывки с обязательным заголовком, выполненным киноварью. После их появления отдельные заголовки (за единичными исключениями) совершенно исчезают. Последняя помесечная запись с отдельным заголовком («Отпуск в немцы большой наряд») сообщает о посылке в Ливонию А.Ф. Адашева в мае 1560 г.⁸⁶. По-видимому, «черновые списки», находившиеся в канцелярии Адашева во время Ливонского похода, доводили изложение событий до начала 1560 г.⁸⁷. Списки эти содержали материал за «новые лета», т. е. за несколько последних лет, непосредственно предшествовавших 1560 году.

Самые ранние летописные списки (Патриарший и Обо-

ленского) позволяют довольно точно определить тот летописный отрывок, над которым работал Адашев в последние годы жизни⁸⁸. Патриарший список завершается записью за март 1556 года⁸⁹. Та же хронологическая грань делит изнутри текст списка Оболенского. Названный список явно распадается на три части: в основе первой (за 1534–1542 гг.) лежит Воскресенская летопись, в основе второй (1542 – март 1556 гг.) – Патриарший список. Зато третья часть, или «том», летописи (с марта 1556 года по 1558 год) имеет вполне самостоятельное происхождение⁹⁰. «Том» писан на иной бумаге, чем предыдущие части, полуустав сменяется тут не очень аккуратной скорописью⁹¹.

Возможно, этот «том» и представляет собой «Летописец новых лет», над которым работал Адашев. В самом начале его помещены две обширные вставки, нарушающие хронологическую последовательность изложения. При просмотре второй части, или «тома», летописи (в том же списке) Адашев сделал в тексте ее под 7058 годом следующую пометку на полях: «*написати приговор о полках*»⁹². Однако когда он смог осуществить свое намерение, у него не оказалось под руками соответствующих «томов». Вероятно, по этой причине он вынужден был поместить «Приговор о полках 7058 года» в самом начале третьего «тома» летописи, хотя там эта вставка являлась неуместной⁹³. За приговором о полках 7058 г., представляющим отчет о первой реформе Адашева,

реформе местничества, в тексте летописца помещена вторая большая вставка «Приговор о кормлениях 7064 г.», отчет о самой крупной и последней реформе того же лица. Как отметил А.А. Зимин, оба названных приговора представляют собой вставки, принадлежавшие, возможно, перу самого Адашева. В них «мы имеем дело с рассказом о каких-то мероприятиях законодательного характера, а не с официальным узаконением»⁹⁴. Действительно, летописные вставки во многих отношениях сходны с памфлетом. Можно полагать, что вставки были сделаны Адашевым спустя много лет после утверждения подлинных приговоров. Возможно, что произошло это во время Ливонского похода, когда Адашев, предчувствуя близкую опалу и стремясь оправдать свою правительственную деятельность, составляет явно публицистический отчет о главнейших своих реформах⁹⁵. Имея под рукой лишь «Летописец новых лет», он включает в него старый приговор 7058 г. рядом с приговором 7064 г., рассказывает о них по памяти, перемежая подлинные факты с моральными наставлениями царю, страстно защищая необходимость нововведений.

Известная сложность вопроса о преобразованиях и реформаторских замыслах Адашева состоит в том, что не сохранилось ни одного письма или другого документа, написанного его рукой. По этой причине вопрос об авторстве, или, точнее, степени участия реформатора в составлении того или иного проекта, трудно разрешим. Тем большее зна-

чение имеют данные об участии Адашева в летописании. Вставки в текст летописи непосредственно вводят нас в круг идей и начинаний Адашева, знакомят с его проектами реформ и политической программой.

Царь Иван Васильевич Грозный принимал участие в составлении и редактировании двух крупнейших летописных сводов середины XVI века: Синодального списка летописи и так называемой Царственной книги. Он непосредственно участвовал в составлении обширных приписок к тексту названных сводов⁹⁶.

Летопись по Синодальному списку освещает события 1535–1567 гг., но в ней полностью утрачен отрывок за 1542–1553 гг. Приписки в тексте летописи относятся к 1537–1542 и 1554–1557 гг.⁹⁷. Д.Н. Альшиц отметил, что последние исправления в Синодальном списке сделаны под 1557 г., и дал этому факту наиболее вероятное истолкование. Он предположил, что к моменту редактирования первой половины летописи (за 1535–1560 гг.) окончание свода (за 60-е гг.) еще не было составлено, и, таким образом, приписки к Синодальному списку появились в начале 60-х гг.⁹⁸. Его точка зрения встретила возражения со стороны А.А. Зимина, по мнению которого Синодальный список исправлялся после августа 1567 г., т. е. после того, как дальнейшее составление летописи было по существу прекращено⁹⁹. Гипотеза А.А. Зимина весьма интересна, но она не дает объяснения некото-

рым существенным фактам. В самом деле, почему царь правил лишь начало летописи (до 1557 г.), а затем прекратил исправление? Почему он останавливался на десятистепенных и вовсе маловажных событиях тридцатилетней и двадцатилетней давности (см., например, приписку о награде воевод шубами в 1541 г.) и не коснулся более важных вопросов, открыто поставленных им в переписке с Курбским в 1564 г. и более всего волновавших его в тот период (сюда относился вопрос об отставке Сильвестра, критика правительственной деятельности Адашева и т. д.).

Существенное значение имеют палеографические наблюдения за текстом летописи¹⁰⁰. Возражая Д.Н. Альшицу, А.А. Зимин пишет следующее: Д.Н. Альшиц не нашел палеографического рубежа (смены почерков) в тексте Синодального списка, «что исключает возможность многоэтапного составления Синодальной рукописи»¹⁰¹. Подобное мнение едва ли справедливо. Значительная часть Синодальной рукописи утрачена, но даже в неполном виде она насчитывает более 500 листов. Трудно представить, чтобы столь обширная летопись могла быть составлена и отредактирована в один прием, а не «многоэтапно». В XVI в. Синодальная рукопись состояла из многих тетрадей (общий переплет был сделан не ранее XVII в.)¹⁰², и всего вероятнее, что эти тетради редактировались постепенно на протяжении ряда лет.

Приписки к тексту Синодального списка по большей ча-

сти носили строго фактический характер¹⁰³. Наиболее важные из них посвящены были мятежам и заговорам князей Шуйских. Рассказ о смерти великой княгини Елены дополнен сведениями о том, что Шуйские и «иные бояре» уморили голодом за шесть дней конюшего Овчину¹⁰⁴. К рассказу о мятеже Шуйских в 1542 г. добавлено, что глава заговора князь И.М. Шуйский прислал в Москву наперед себя князя П.И. Шуйского и И.В. Большого Шереметева, что в заговоре участвовали Кубенские, Д.Ф. Палецкий и новгородцы «все городом», что крамольные бояре приходили в постельные хоромы девятилетнего Ивана и т. д.¹⁰⁵.

Напомним, что царь с крайним негодованием отзывался о Шуйских в письме к Курбскому в 1564 г. Следствием царской опалы была казнь кн. А.Б. Горбатого-Шуйского (1565 г.) и Н.В. Шереметева (1564 г.). Но и Шуйские, и Шереметевы впали в немилость значительно раньше, а именно тотчас после отставки А.Ф. Адашева в 1560 году¹⁰⁶.

Две приписки Синодальной рукописи посвящены были Старицким. В одной из них сообщалось о смерти князя Андрея Старицкого в 1537 г.¹⁰⁷. В другой содержались подробности об измене князя С.В. Ростовского в 1554 г. и заговоре князя Владимира Старицкого в 1553 г.¹⁰⁸. Эта последняя приписка имеет важное значение, и она будет подробно разобрана ниже.

Когда первые тетради Синодальной рукописи были ис-

правлены, царь приказал перебелить их, в результате чего появилась так называемая Царственная книга (за 1533–1553 гг.). Новый свод был передан на просмотр и утверждение царю. Тот оставил без всяких изменений первую его часть (1533–1542 гг.), соответствующую исправленной части Синодального списка (1535–1542 гг.). Но его вовсе не удовлетворила вторая половина Царственной книги (за 1542–1553 гг.), и он подверг ее основательной переделке¹⁰⁹. Если в текст Синодального списка было внесено не более десятка исправлений, то в тексте Царственной книги таких поправок было более 60¹¹⁰. Самая обширная из них посвящена заговору князя Владимира Старицкого в 1553 г. Она имеет исключительно важное значение для датировки летописного свода в целом.

Вопрос о времени редактирования Царственной книги вызвал немало разногласий в литературе. А.А. Зимин полагает, что сведения о заговоре Старицких в 1553 г. были внесены в Царственную книгу после казни князей Старицких в первом квартале 1569 г., но ранее казни И. Висковатого в июле 1570 г. Висковатый был казнен в 1570 г. как приверженец Старицкого, но в приписке он изображен противником Старицкого¹¹¹. Точности ради отметим, что Старицкий был казнен не в первом, а в последнем квартале 1569 г. и что Висковатый попал в немилость не в день казни (июль 1570 г.), а гораздо раньше. Таким образом, период, указанный А.А.

Зиминим, сужается до нескольких месяцев (конец 1569 г. – начало 1570 г.). Но именно в этот период царь громил в течение 3–4 месяцев Тверь, Новгород и Псков и едва ли имел досуг заниматься старыми летописями.

Д.Н. Альшиц относит приписки в тексте Царственной книги к более раннему периоду, а именно к 1567–1568 гг.¹¹². Его мнение представляется более аргументированным, но многие его доводы спорны. Д.Н. Альшиц не учитывает некоторых важных моментов, связанных с историей опричнины в 60-х годах.

В летописной приписке к Царственной книге о боярском заговоре 1553 г. Иван с особым одобрением упоминает о верной службе боярина и конюшего И.П. Федорова. Конюший не только не примкнул к боярам-заговорщикам, но и «донес» их крамольные речи до самого царя¹¹³. Подобная версия никак не могла быть сочинена в 1567–1568 гг., поскольку именно в эти годы Федоров подвергся опале и казни. Процесс «изменника» Федорова, будто бы покушавшегося на жизнь царя, явился центральным моментом всей политической истории опричнины в 1567–1569 гг., и потому представляется совершенно невыносимым появление в тот период официального рассказа, обеляющего государственно-го преступника.

В той же приписке к Царственной книге Иван хвалит Л.А. Салтыкова за то, что тот донес ему на бояр-заговорщиков. Но Салтыков оказался в опале еще раньше Федорова. Перед

самой причиной царь отставил его от оруженничества, а затем подверг кратковременному аресту. В 1564–1565 (7073) гг. Л.А. Салтыков с сыном вынужден был дать по себе специальную запись и лишь тогда был освобожден на поруки.

Указанные факты служат первым аргументом в пользу того предположения, что приписка к тексту Царственной книги (о заговоре 1553 г.) появилась, скорее всего, до опалы конюшего Федорова (1566–1568 гг.) и, возможно, ранее ареста Салтыкова (1564–1565 гг.).

Д.Н. Альшиц обратил внимание на удивительное сходство и несомненную родственность текстов летописных приписок и первого послания Грозного Курбскому. По его мнению, Грозный дополнил Царственную книгу после полемики с Курбским в 1564 г. Целью приписок было перенесение в летопись доводов царя из его письма к Курбскому¹¹⁴. В частности, Д.Н. Альшиц ссылается на приписку относительно убийства кн. Ю. Глинского в церкви во время восстания 1547 г. и высказывает мысль, что она могла появиться лишь после того, как Курбский в своем письме впервые поставил вопрос о кровопролитии в церквях¹¹⁵. Подобный аргумент носит слишком гипотетический характер. Видеть в названной приписке непременно полемику с Курбским нет достаточных оснований. Цель приписки совсем иная: разоблачение «виновников» восстания, имена которых названы в летописи (Шуйские, И.П. Федоров, Г.Ю. Захарьин и т. д.)¹¹⁶.

Д.Н. Альшиц отмечает, что в ответном письме царю Курбский высмеял некоторые места царского послания «о постелях и телогреях... яко неистовых баб басни»¹¹⁷. Эти места не были перенесены из послания в приписки к Царственной книге, пишет Д.Н. Альшиц, и это не случайное совпадение: ответ Курбского сыграл здесь свою роль¹¹⁸. Так ли это? Более близкое знакомство с перепиской Курбского обнаруживает, что названное послание не было отправлено на Русь до конца 70-х гг.¹¹⁹. Таким образом, ответ Курбского не мог оказать никакого влияния на приписки к летописи, составленные, по мнению Д.Н. Альшица, в 1567–1568 гг.¹²⁰.

Мнение Д.Н. Альшица, будто царь перенес часть своих доводов из полемики с Курбским в летопись, едва ли справедливо. При ближайшем рассмотрении оказывается, что версия о боярском заговоре 1553 г. получила различное освещение в приписке к Царственной книге и послании царя Курбскому¹²¹. Согласно летописной приписке, ни Сильвестр, ни тем более Адашев в тайном боярском заговоре непосредственно не участвовали. Адашев с другими верноподданными членами думы принес присягу наследнику в первый же день «мятежа». Сильвестр только однажды вмешался в борьбу, посоветовав боярам допустить Старицкого к постели умирающего царя. Но и он не был причастен к тайному заговору¹²². Совершенно иначе те же события изложены в царском послании. Здесь главными участниками заго-

вора в пользу Старицких представлены именно Сильвестр и Адашев. Оказывается, что во время царской болезни бояре «восташа, яко пьяни, с попом Селивестром и с начальником вашим с Алексеем», «они же хотеша воцарити... князя Владимира»¹²³.

Если приписка к Царственной книге была в основном перенесением в летопись доводов царя из его полемики с Курбским в 1564 году, то остается непонятным, почему она не только не отразила версии об измене Адашева и Сильвестра, но и полностью противоречила этой версии. Причиной было, по-видимому, то, что приписка к Царственной книге появилась ранее царского послания, составленного под впечатлением измены и бегства Курбского в 1564 году.

Д.Н. Альшиц строит свою аргументацию на сопоставлении рассказа о боярском «мятеже» 1553 г. в послании Курбскому и приписок к Синодальному списку и Царственной книге. По его мнению, приписка к Синодальной рукописи появилась до полемики царя с Курбским в 1564 г., а приписка к Царственной книге – после этой полемики. Основанием для этого вывода служат противоречия и расхождения приписок между собой. На наш взгляд, расхождения приписок носят по большей части мнимый характер.

Летописные приписки имеют один общий сюжет – заговор, организованный боярами во время болезни царя в марте 1553 года. Сведения, касающиеся этого сюжета, не противоречат друг другу, а, напротив, почти полностью совпадают.

ют. В Царственной книге названы следующие руководители заговора: князя П.М. Щенятев, И.И. Пронский, Д.И. Немова, С.В. Ростовский¹²⁴. В Синодальном списке названы те же имена и примерно в том же порядке, но там рассказ о заговоре отличается большей полнотой, и потому в числе заговорщиков названы еще несколько лиц: князя С. Микулинский, Куракины и П.С. Серебряный¹²⁵.

В совершенно одинаковых выражениях летописные приписки передают речи крамольных бояр-заговорщиков.

Синодальный список

«Толко нам служити царевичю Дмитрею, ино нами владети Захарьиным и чем нами владети Захарьиными, ино лутчи служити князю Владимиру Ондреевичю».

Царственная книга

«Ведь де нами владети Захарьиным, и чем нами владети Захарьиным, а нам служити государю малому, и мы учнем служити старому князю Володимеру Ондреевичю»¹²⁶.

Сходны между собой и общие «выводы», заключающие оба рассказа:

Синодальный список

«и от того времени быс вражда промеж государя и людей».

Царственная книга

«...и оттоле бысть вражда межи бояр и Селиверстом...»,
«и оттоле быть вражда велия государю с князем Володиме-
ром Ондреевичем...»¹²⁷.

Наряду с общими моментами приписки к летописным сводам имеют различия, но эти различия связаны не с освещением одних и тех же событий, а с тем, что в приписке к Царственной книге появляется новый сюжет, полностью отсутствующий в приписке к Синодальному списку. Это подробный рассказ об открытом мятеже бояр во время присяги в Боярской думе в марте 1553 года. В целом он носит легендарный характер. Ко времени составления приписок в 60-х гг. никаких документов относительно «прений» в Боярской думе не сохранилось, поэтому авторам приписок пришлось воспроизвести эти прения по памяти, сочинив задним числом то, что было забыто. Наиболее недостоверными представляются речи умирающего царя к думе, которые должны были доказать, что боярский мятеж был прекращен исключительно благодаря вмешательству монарха.

Летописные приписки очень близки между собой по содержанию, стилю и т. д. в той части, в которой речь идет об одном и том же сюжете, боярском заговоре 1553 года. Можно полагать, что в этом случае в основу их был положен один и тот же источник. Достоверность материала и подробности, сообщаемые в приписках, наводят на мысль, что при состав-

лении их могли быть использованы подлинные документы следствия о боярском заговоре.

Д.Н. Альшиц первым высказал предположение о том, что царь внес в Синодальный список подробный рассказ о заговорщической деятельности Старицких в 50-х гг., желая оправдать расправу с ближайшей родней в 1563 году. Во время суда над Старицким в 1563 г. царь затребовал из архива судное дело боярина князя С.В. Ростовского 1554 года, содержащее документальные материалы относительно тайного боярского заговора в пользу Старицкого в 1553 году¹²⁸.

По-видимому, названные материалы были непосредственно использованы при составлении приписок к Синодальному списку и, возможно, Царственной книге.

Выше мы отметили, что приписка к Царственной книге появилась ранее 1567–1568 гг. (время «заговора» Федорова) и до 1564 г. (послание царя Курбскому). Отсюда следует, что приписки к Синодальному списку и Царственной книге появились примерно в одно время, а именно в период суда над Старицкими в 1563 году или вскоре после суда¹²⁹.

Приведенная точка зрения неизбежно встретит одно серьезное возражение. Царственная книга была копией Синодального списка, и на изготовление этой богато иллюстрированной летописи требовалось много времени, вследствие чего правка в Царственной книге должна была появиться много позже правки в Синодальном списке. При всей своей логичности этот аргумент имеет в основе своей одну невер-

ную посылку, а именно представление, будто редактирование грандиозных летописных сводов в сотни страниц можно было осуществить одним приемом. Более вероятно, что летопись (по Синодальному списку) редактировалась частями. В начале 60-х гг. царь исправил начало свода, первые тетради летописи за 1535–1542 гг., и эти тетради были затем переписаны набело в виде Царственной книги. Когда ему понадобилось дополнить рассказ об измене князя С.В. Ростовского в июле 1554 г., он должен был обратиться к соответствующей тетради (за 1554 г. и далее) Синодального списка, так как в Царственной книге этот раздел не был еще перебелен. Как только переписчики довели Царственную книгу до событий марта 1553 г., царь остановил работу и стал править летопись прямо в беловике¹³⁰. Прекращение работы над сводом и исправление последних листов Царственной книги были тесно связаны между собой¹³¹. Правка в тексте Царственной книги могла производиться и одновременно, и в разное время с исправлением последних тетрадей Синодального списка, поскольку между Царственной книгой и последними тетрадями Синодального списка нет прямой связи.

Итак, две наиболее значительные приписки к тексту Синодального списка и Царственной книги (о заговорах 1553–1554 гг.) можно датировать началом 60-х годов. Но редакторская деятельность Грозного не прекратилась в тот момент. В тексте Царственной книги можно обнаружить несколько других, более поздних слоев и напластований. Из-

вестно, что царь возвращался к летописи в августе 1568 г. «В 76-м году, августа, – значитя в описи царского архива, – летописец и тетрати посланы ко государю в Слободу»¹³².

В 1568 году царь просматривал летописец новых лет. Можно полагать, что в тот период он вновь правил Царственную книгу и, в частности, внес в ее текст версию, согласно которой в 1547 г. чернь убила дядю царя князя Ю. Глинского по наущению крамольных бояр Ивана Петрова Федорова, Г.Ю. Захарьина и т. д.¹³³. Вероятно, подобная версия появилась после казни Федорова и опалы Захарьиных в последние годы опричнины.

В рассказе о крещении царя Симеона (1553 г.) царь вычеркнул имя его духовника протопопа Амоса, священнодействовавшего при крещении¹³⁴. Причиной было, видимо, то, что в 1570 г. Амос был казнен опричниками как изменник.

По рассказу Царственной книги, князь А. Шуйский и его советники в 1543 г. арестовали и отправили в ссылку боярина Ф.С. Воронцова, любимца молодого Ивана. Согласно позднейшей приписке, одним из главных советников Шуйского был будто бы Алексей Басманов-Плещеев¹³⁵. Очевидно, подобная приписка не могла появиться в период всемогущества Басманова в 1563–1568 гг. и была составлена лишь после его казни в 1570 году.

Существенное значение для истории опричнины имеют наряду с московскими летописными сводами местные лето-

писцы, в особенности Псковский и Новгородские.

Псковский летописный свод 60-х гг. составлен был в стенах Псково-Печорского монастыря известным книжником Васьяном Муромцем и игуменом Корнилием. Как отмечает А.Н. Насонов, летопись проникнута резко выраженными антимосковскими настроениями¹³⁶. Псковская феодальная республика утратила независимость позже других земель, всего за полвека до опричнины. Поэтому остатки местного сепаратизма не исчезли здесь окончательно ко времени опричнины. Но антимосковские настроения псковской летописи объясняются не только сепаратизмом, но в еще большей мере политическими симпатиями печорских старцев. Один из авторов летописи, старец Васьян, был единомышленником и другом идеолога боярства А.М. Курбского. В своих последних записях Васьян рассказывает об ужасных предзнаменованиях, грозивших Пскову многими бедами. Среди глубокой ночи забрезжил свет, и стража увидела «людей многое множество вооружени воиньским обычаем». Ночные призраки медленно двигались к стенам города, отчего стражу объял «страх велик»¹³⁷. По-видимому, последние записи псковской летописи (а они помещены под 1567 г.) появились незадолго до похода московского царя и его опричников на Псков в 1570 году. Предзнаменования сбылись. Псков подвергся нападению опричников. Васьян и Корнилий были казнены, после чего работа над летописным

сводом прекратилась.

Новгородская вторая летопись составлена была при дворе новгородского архиепископа в Софийском доме¹³⁸. При архиепископе Пимене летопись представляет собой краткие погодные записи. Летописца интересуют главным образом происшествия местного значения: пожары в городе, мор, поездки софийян в Москву и т. д. В отличие от псковского свода, в новгородской летописи невозможно открыть никаких следов новгородского сепаратизма. Ее авторы неизменно лояльны по отношению к московскому правительству. В последних записях за 1569 г. летописец подробно расписывает «государев корм», коли царь поедет «в свою вотчину» Новгород¹³⁹. Но посещение Грозного неожиданно обернулось погромом. Погром временно прервал летописную работу. В летописи полностью отсутствуют записи за период между ноябрем 1569 г. и февралем 1570 г. После отъезда опричников работа над летописью возобновляется и приобретает некоторые новые черты. Прежде всего в руках нового софийского автора летопись приобретает значительно более систематический характер. Краткие записи по годам уступают место поденным записям, отличающимся исключительной подробностью. На последней странице летописи ее автор сообщает об отъезде в Москву высшего новгородского духовенства летом 1572 г. Возможно, что после отмены опричнины летописец, занимавший какой-то офи-

циальный пост в Софийском доме, был отозван в Москву, после чего работа над летописным сводом прекратилась¹⁴⁰. Послепименовская летопись (1570–1572 гг.) представляет, пожалуй, самую ценную часть Новгородской второй летописи. Однако использование ее сильно затруднено вследствие неудовлетворительного издания этой части летописи. Поскольку листы летописи были основательно перемешаны, издатели неверно датировали некоторые ее записи. Так, обширные записи за 10–26 июня 1572 г. они отнесли к 1571 г. и поместили вслед за записями 13 октября 1570 г. – 15 июня 1571 г. В указанных записях 10–26 июня названо имя Кирилла (архиепископ с декабря 1571 г.) и описан приезд царя в Новгород (июнь 1572 г.)¹⁴¹.

Продолжая пименовскую традицию, летописец не меняет прежнего лояльного отношения к Москве и к опричнине Грозного. Он верноподданнически называет опричнину «государевой светлостью», обходит полным молчанием события, связанные с опричным погромом, поразительно бесстрастно повествует о том, как опричники травили медведями новгородских дьяков¹⁴².

Послепименовский летописец, составлявший в период господства в Новгороде опричных порядков в 1571–1572 гг., сообщает множество ценных фактов относительно внутренней истории опричнины.

Новгородская третья летопись («Летописец Новгородский вкратце церквам Божиим») является поздним сводом, составленным во второй половине XVII в.¹⁴³. Наряду с историей церковного строительства в Новгороде в текст ее включены отдельные записи и повести мирского содержания. Одна из повестей посвящена опричному разгрому Новгорода¹⁴⁴. Эта повесть, а также прочие записи о времени опричины составлены были спустя много лет после смерти Грозного. Они носят полемический характер, и к ним необходимо подходить критически¹⁴⁵.

Послания Курбского к старицу Васьяну подробно исследованы нами и датированы в специальной статье¹⁴⁶. Основные выводы ее сводятся к следующему.

1) Издатель Посланий Курбского Г.З. Кунцевич положил в основу своего издания беляевский список первых двух посланий (ГБЛ, собр. Беляева, № 55/1549, скоропись XVII в.)¹⁴⁷. В действительности беляевский список является сокращенной и притом поздней редакцией посланий. Наиболее древний и самый полный текст Посланий Курбского содержится в Соловецком сборнике конца XVI – начала XVII в. (ГПБ, Собр. Соловецкого монастыря, № 962/852, скоропись начала XVII в.)¹⁴⁸. Соловецкий список передает ряд подробностей, исключительно важных для верной датировки двух первых посланий в Печоры. Текст третьего По-

слания Курбского наиболее точно передан в Погодинском сборнике начала XVII в. (ГПБ, Собр. Погодина, № 1567, скоропись XVII в.). Исключительно интересен комплекс документов, составляющих непосредственное окружение третьего послания. Это записка Курбского в Юрьев, его послание Васьяну и царю (из Вольмара), письма Тетерина и Полубенского из Литвы в Юрьев, ответ царя Курбскому.

2) В литературе высказывались мнения, что все три послания Васьяну были написаны Курбским в эмиграции¹⁴⁹. Я.С. Лурье считает, что два последних послания были составлены после побега автора в Литву, а первое – до его отъезда¹⁵⁰. Противоположной точки зрения придерживается новейший английский исследователь Н. Андреев, по мнению которого Курбский написал все три послания в Печоры в бытность свою в Юрьеве между декабрем 1563 г. и апрелем 1564 г.¹⁵¹

3) Детальная критика источника позволяет уточнить датировку Посланий Курбского. В тексте Соловецкого списка содержатся прямые указания на время составления первых двух посланий Курбского. В начале 1563 г. боярин Курбский участвовал в осаде Полоцка, после чего его постигла царская опала. На смотре в Великих Луках 7 марта 1563 г. он был назначен воеводой в Юрьев Ливонский сроком на год с вербного воскресения, т. е. с 3 апреля 1563 г.¹⁵². По пути к месту назначения боярин останавливался в Пскове и Печорах, там беседовал с Васьяном и, по-видимому, нашел в нем

единомышленника. Вскоре Васьян прислал юрьевскому воеводе церковные книги, и между ними завязалась переписка. В первом послании к печорскому старцу боярин писал: «Книга, глаголемая Райская... от вашей святости к рукам моим пришла и некая уже от словес в ней смотрел есми»¹⁵³. Летом 1563 г. Васьян ответил Курбскому, а этот последний написал ему свое второе послание. В нем он уведомил своего адресата о получении книг и заемного счета. «Писанице твое, любовию помазанное, дошло до меня, а книгу и Герасимово житие и счет летом привезли же ко мне»¹⁵⁴. Все эти подробности, сохраненные Соловецким списком, крайне важны для точной датировки посланий Курбского. Они доказывают, что первое из посланий было написано никак не позднее лета 1563 г., а второе не ранее осени того же года, т. е. в последние месяцы пребывания Курбского в России. Но второе послание содержало слишком откровенную критику действий царя и высшего духовенства, поэтому оно не было отправлено адресату до бегства боярина за рубеж.

Значительное место в первых посланиях Курбского Васьяну занимали догматические вопросы, в частности вопрос о подлинности пятого (Никодимова) евангелия (сам автор назвал позже свое второе послание в Печоры «вторым посланицем против всего пятого евангелия»)¹⁵⁵. Ничто во втором послании не указывало на какие-нибудь перемены во внешнем положении автора. Вследствие этого нельзя со-

гласиться с мнением Я.С. Лурье, будто Курбский написал второе послание после бегства из России. По всей вероятности, названное послание появилось под непосредственным впечатлением жестокой казни бояр в Москве 31 января 1564 г.¹⁵⁶.

Третье послание Васьяну не было простым продолжением завязавшейся ранее переписки. По содержанию и тону оно резко отличается от первых двух. В нем полностью игнорировались догматические вопросы. Третье послание Васьяну сходно с посланием того же автора царю из Вольмара, датируемым маем 1564 г. Многие места посланий производят впечатление перефразировки одного и того же текста.

Текстологическая близость названных посланий с очевидностью свидетельствует о том, что оба они писались под влиянием одних и тех же событий, в одно и то же время.

Точная датировка трех посланий Курбского печорским монахам позволяет по-новому прочесть многие страницы этого любопытного памятника и расшифровать заключенные в нем политические иносказания.

А. Курбский. История о великом князе Московском. В свое время И.Н. Жданов высказал мнение, что «История» была составлена Курбским вскоре после 1573 г. в связи с толками об избрании на польский престол царя Ивана¹⁵⁷. Точку зрения И.Н. Жданова уточнил и дополнил А.А. Зимин. Он установил, что Курбский взялся за сочинение «Истории» во

время польского бескорольевья (1572–1573 гг.), и высказал предположение, что она была закончена к весне-лету 1573 г. В «Истории» Курбский ссылается на Предисловие к Новому Маргариту, написанное им ранее. А.Н. Ясинский датировал указанное Предисловие временем после 1575 г.¹⁵⁸. Но А.А. Зимин доказал, что Предисловие появилось на свет вскоре после июня 1572 года. «Прикинув время на составление “Истории” (около года), – продолжает А.А. Зимин, – мы получим как раз весну-лето 1573 г.»¹⁵⁹. Окончательный вывод А.А. Зимина нуждается в дополнительной аргументации. Если справедливо, что Курбский написал Предисловие после июня 1572 г., то отсюда все же не следует, что сразу после этого он взялся за составление «Истории» и что он не мог цитировать Предисловие спустя два-три года после его написания. Произвольно и предположение, будто на «Историю» Курбский затратил примерно год¹⁶⁰.

Полагаем, что для решения вопроса важное значение имеют те страницы «Истории», на которых Курбский упоминает о польском короле: «А здешнему было королеви и зело ближайши; да подобна его кролевская высота и величество не к тому обращался умом...»¹⁶¹. Очевидно, приведенные строки не могли быть написаны до смерти короля Сигизмунда II Августа 7 июля 1572 г. Курбский не уточняет имени «здешнего короля», из чего можно заключить, что новый король, по-видимому, еще не был избран (май 1573 г.). Итак, первые

разделы «Истории» (а именно в них заключены приведенные выше строки о польском короле) были написаны скорее всего между июлем 1572 г. и маем 1573 г. Последние разделы «Истории» закончены были никак не ранее лета 1573 г., так как в них упоминается о гибели Воротынского, Одоевского и Морозова в середине 1573 г.¹⁶². Сведения об этих лицах, отмечает А.А. Зимин, вставлены в конец соответствующих разделов, вероятно, потому, что к лету 1573 г. «История» в основном была закончена¹⁶³. В пользу этого мнения можно привести некоторые дополнительные аргументы. Сначала Курбский рассказал, что были убиты Морозовы, мужи, «сингклитским саном почтенны», среди них Лев Салтыков с четырьмя или пятью сыновьями. Через некоторое время он сделал поправку к своему рассказу: «Ныне, последи, слышах о Петре Морозове аки жив есть; тако же и Львовы дети не все погублены...»¹⁶⁴. Исправляя раздел о Морозовых, Курбский, по-видимому, еще ничего не знал о гибели самого видного из бояр Морозовых, члена Рады М.Я. Морозова. Главу «О побиении боярских и дворянских родов» Курбский заключил указанием на то, что он не мог вместить в свою книгу все имена, других забыл, но бог помнит всех избивенных¹⁶⁵. Глава была, по-видимому, завершена, когда Курбский узнал о казни М.Я. Морозова. Поэтому он должен был вписать рассказ о нем после заключения¹⁶⁶. Исключительное внимание Курбского к роду Морозовых объяснялось тем, что его мать

была урожденной Морозовой¹⁶⁷.

«История» Курбского распадается на две части. Первая из них посвящена правлению Избранной рады и завершается словами: «А сему уже и конец положим...»¹⁶⁸. Вторая часть начинается со слов: «Се уже по возможности моей начну изчитати имена... новых мучеников...» и заключается фразой: «И ныне скончающе и историю новоизбиенных мучеников...»¹⁶⁹. В той части, в которой речь идет о правлении Рады, Курбский проявляет исключительную осведомленность. Как член Рады Курбский был участником важнейших событий того времени. Несмотря на тенденциозность изложения, первая часть «Истории» является ценнейшим документом по истории политической борьбы в 50-х гг. XVI в.¹⁷⁰. Совершенно иной характер носит «история мучеников», повествующая главным образом об опричном терроре. Накануне опричнины Курбский бежал из России и о последующих событиях мог судить лишь по отрывочным, часто недостоверным слухам, рассказам московских беглецов и т. д. Во второй части «Истории» автор ее нередко обнаруживает неосведомленность и недобросовестность.

В разделе о новгородском погроме Курбский утверждал, будто царь велел утопить архиепископа Пимена в реке¹⁷¹. Столь явной лжи избегали даже такие памфлетисты, как Шлихтинг, Таубе и Крузе. По Шлихтингу, Пимен был одет в шутовской наряд и отослан в Москву¹⁷². Нечто подобное со-

общали Таубе и Крузе¹⁷³. «История» появилась на свет после памфлетов Шлихтинга, Таубе и Крузе, и Курбский не мог рассчитывать на неосведомленность литовских читателей.

Недостоверны известия Курбского о казни наследника Старицкого удельного княжества княжича Василия Старицкого¹⁷⁴, об убийстве двух сыновей наследников удельного князя Н.Р. Одоевского¹⁷⁵, казни архиепископа Германа и старца Феодорита¹⁷⁶. Курбский ошибочно утверждает, будто царь казнил боярина И.И. Хабарова¹⁷⁷ и окольного М.П. Головина¹⁷⁸. В то же время автор «Истории» не называет имен многих очень видных лиц, казнь которых засвидетельствована очевидцами и синодиком опальных. В их числе бояре В.Д. Данилов, И.П. и В.П. Яковлевы, кн. М.Т. Черкасский, кравчие кн. П.И. Горенский и Ф.И. Салтыков, представители знатнейших боярских фамилий кн. Д. Сицкий, кн. М. Засекин, князья Н. и А. Черные Оболенские, Ф. Карпов, Г. Волынский и т. д. Одновременно Курбский упоминает о казни других лиц, о которых молчат прочие источники. Среди них боярин С.В. Яковлев, И.Ф. Воронцов, В.В. Разладин¹⁷⁹, Д. Пушкин¹⁸⁰, Ф. Булгаков, К. Тыртов. Нельзя считать казненными всех лиц, о «погублении» которых пишет Курбский¹⁸¹. По словам Курбского, был убит боярин Федоров и «погублена» его жена (она была пострижена в монастырь), был убит Щенятев и «погублены» двое его братьев (один

был пострижен, другой сослан в ссылку¹⁸²). По-видимому, в том же смысле Курбский говорит о «всероднем» погублении князей Ушатых, а также Прозоровских¹⁸³. Все Ушатые попали в ссылку и лишились земель¹⁸⁴.

Сказание Курбского о «новоизбиенных мучениках» представляет собой памфлет во многом более тенденциозный, нежели памфлеты иноземных авантюристов. Пользоваться им можно лишь после самой строгой критики и сопоставления с другими источниками.

Исключительный интерес для истории опричнины представляют *Послания Ивана Грозного к Курбскому и другим лицам*. Послания опубликованы Д.С. Лихачевым и Я.С. Лурье и снабжены переводом и обширными комментариями, имеющими самостоятельное научное значение¹⁸⁵. Изданию предпослан подробный археографический обзор. Отдельным разделом в сборник включены Послания в Литву главных земских бояр Бельского, Мстиславского, Воротынского и Федорова. В литературе давно высказывалось предположение, что именно царь был автором боярских грамот¹⁸⁶. В новейшее время подобное предположение убедительно аргументировал Я.С. Лурье¹⁸⁷. Он отметил, что тексты Посланий, формально принадлежащих различным лицам, на протяжении многих страниц сходны между собой. Многие выражения и цитаты «боярских грамот» дословно

совпадают с выражениями подлинных посланий Грозного. Общий стиль грамот также обнаруживает руку царя, любителя и мастера «грубианской» полемической литературы¹⁸⁸. Указанные соображения представляются нам справедливыми, но лишь по отношению к грамотам Бельского, Мстиславского и Воротынского. Эти грамоты во многом повторяют и продолжают друг друга. Все они были подписаны в Москве в то время, когда там находился царь, между 2 и 27 июлем 1567 г. Грамоты боярина И.П. Федорова не связаны текстологически с посланиями московских бояр и заметно отличаются от них своей краткостью, сдержанным тоном и наличием сугубо интимных мотивов, полностью отсутствовавших в московских посланиях¹⁸⁹. «А ведь же, государу, – писал Федоров польскому королю, – я уже человек при старости... немного жити... Чему же треба тебе по моей старости?»¹⁹⁰. Подобные строки, очевидно, не могли быть сочинены никем, кроме самого Федорова. Заметим также, что Федоров написал свои грамоты в Полоцке 6 августа 1567 г., в то время как царь находился в Москве.

Приведенные соображения позволяют оспаривать предположение, будто автором полоцких посланий боярина Федорова был царь Иван.

Духовное завещание Грозного наряду с его письмами принадлежит к числу интереснейших памятников периода опричнины. Источник этот давно введен в научный оборот,

но доныне использование его затруднено вследствие двух обстоятельств. Прежде всего завещание сохранилось в единственной, очень испорченной, поздней копии. Помимо того, в его тексте отсутствует точная дата¹⁹¹.

Академик С.Б. Веселовский посвятил царской духовной обстоятельное исследование. По его мнению, Грозный составил свое завещание не ранее апреля-мая 1572 года. В тексте духовной упомянуты имена царицы Анны Колтовской и митрополита Антония, но помолвка царя с Анной состоялась в апреле 1572 г., а Антоний занял митрополичий престол через месяц¹⁹². По предположению С.Б. Веселовского, завещание появилось в дни татарского вторжения летом 1572 г., когда Иван вынужден был спастись от неприятеля в Новгороде и испытывал смертельную тревогу за свою судьбу. Вследствие этого завещание проникнуто тревожным настроением и мрачными предчувствиями. «Подводя итог, — пишет С.Б. Веселовский, — можно сказать, что завещание было написано в промежуток между началом июня и по 6 августа, когда царь... жил в Новгороде в тревожном ожидании исхода неминуемой кровавой схватки его воевод с татарами. Для правильного понимания духовной царя Ивана этот довод имеет очень существенное значение...»¹⁹³. 6 августа 1572 г. Иван узнал о разгроме татар. Воспрянув духом, он забыл о своем завещании, которое так и осталось черновым наброском, не получившим юридической силы.

По сравнению с аргументами фактическими, аргументы психологического порядка могут иметь лишь второстепенное значение. Анализ практических распоряжений завещания показывает, что духовная не могла быть составлена в течение двух месяцев. Так, в тексте духовной мы находим три противоречивых распоряжения относительно удела князя М.И. Воротынского, явно относящихся к различным периодам времени.

В одном месте духовной Иван признает за Воротынским права на родовой Новосильско-Одоевский удел «со всем по тому, как было изстари» и наказывает сыну не «вступаться» во владения удельного князя¹⁹⁴. Второе распоряжение Грозного решительно противоречит первому и содержит указание на конфискацию Новосильского удела и передачу Воротынскому города Стародуба: «А что есьми был пожаловал князя Михаила князь Иванова сына Воротынского старою его вотчиною..., и аз ту вотчину взял на себя, а князю Михаилу дал есьми в то место вотчину, город Стародуб Рязполовской» и т. д.¹⁹⁵. В тексте завещания мы находим еще одно распоряжение Грозного, которое исключает два первых. Иван завещает наследнику-сыну «город Стародуб Рязполовский... село Княгинино, что было за Воротынским в Нижегородском уезде»¹⁹⁶.

Трудно предположить, чтобы указанные взаимоисключающие распоряжения могли быть включены в текст духов-

ной одновременно, на протяжении двух месяцев, пока царь был в Новгороде, а Воротынский оборонял Москву. Обнаруженное противоречие объясняется, по-видимому, наличием в тексте завещания разных слоев, относящихся к различным периодам времени.

Известно, что правительство вернуло Воротынскому родовый удел в апреле-мае 1566 г.¹⁹⁷. В то время царь объявил повсюду, что он пожаловал Воротынского «по старому и вотчину его старую, город Одоев и город Новосиль ему совсем отдал и больши старого»¹⁹⁸. Воротынский именвал себя «державцем Новосильским» еще в июле 1567 года. При неизвестных обстоятельствах царь сделал распоряжение о конфискации Новосильского уезда и передаче Воротынскому Стародуба. Был ли образован Стародубский удел в действительности или распоряжение царя осталось неосуществленным проектом? Некоторые обстоятельства свидетельствуют в пользу первого предположения. Во-первых, в завещании прямо указывалось на выдачу Воротынскому «меновных грамот», «а ведает ту вотчину (Стародуб. – *Р.С.*) князь Михайла по меновным грамотам»¹⁹⁹. Во-вторых, по «меновной грамоте» Воротынский получил Стародуб и «в Нижегородском уезде село Княгинино». Но еще в начале XVII в. сыну Воротынского принадлежало «в Нижнем село, четвертная пашня неведома»²⁰⁰. С большой долей вероятности это необмерянное село можно отождествить с упомя-

нутым выше селом Княгининым. Правительство произвело принудительный обмен Новосильского удела на Стародубский не ранее октября 1569 г. (до этого времени Стародуб находился во владении князя Старицкого) и, вероятно, не позднее августа 1572 г. (после победы на Молодях Воротынский попал в милость, получил высший титул слуги, атрибут удельного владыки и т. д.). Но Воротынский недолго владел Стародубом. В июле 1573 г. он подвергся царской опале и погиб, после чего Стародубское удельное княжество было окончательно ликвидировано.

Противоречивые распоряжения царской духовной отражают различные моменты истории удельных владений Воротынских в период между 1566 и 1573 гг. Они опровергают предположение, будто царская духовная могла быть составлена в двухмесячный срок и позволяет обнаружить в тексте духовной наслоения различных лет.

С.Б. Веселовский полностью игнорирует вопрос о документации, положенной в основу царской духовной, и это является, пожалуй, самой слабой стороной всей его аргументации. Парадоксально, что С.Б. Веселовский отвергает самую возможность составления завещания на основе подлинных документов приказных архивов. По его словам, «Иван Грозный и дьяк, помогавший писать ему завещание, живя в Новгороде, не имели возможности использовать для быстрых справок московские приказные архивы. Это обстоятельство весьма неблагоприятно отразилось на достоверности за-

вещания Грозного»²⁰¹.

Царская духовная содержит названия сотен географических пунктов, имена многих десятков лиц и предметов, поэтому маловероятно, чтобы при ее составлении не были использованы разнообразные подлинные документы. В самом тексте завещания встречаются прямые ссылки на многие документы периода опричнины. К числу таких документов принадлежат «казенный список» имущества царевичей, составленный около 1564–1565 гг.²⁰², список казенных стародубских вотчин, датируемый серединой 60-х гг.²⁰³, жалованная грамота «короля Арцымагнуса» и «перемирные грамоты с Жигимонтом Августом королем», подписанные в июне 1570 года²⁰⁴. Из всех этих документов наибольший интерес представляет обширный казенный список стародубских княжеских вотчин, занимавший в подлиннике царской духовной не одну страницу. Список открывался следующим царским распоряжением: «Да сыну же моему Ивану даю к Володимеру в Стародубе в Ряполовим стародубских князей вотчины, которые остались за мною... село Старые Меховицы, что было Романа Гундорова, да село Могучее, что было князь Ивана Пожарского Меньшова» и т. д.²⁰⁵ Далее в завещании следовал длинный перечень перешедших в казну и оставшихся «за царем» стародубских вотчин. Основная часть этих вотчин перешла в казну после ссылки их владельцев, опальных стародубских княжат, в Казанский край в

феврале 1565 г.²⁰⁶. Очевидно, стародубский казенный список был составлен никак не раньше 1565 г. Но он сохранял силу сравнительно недолгое время. Начиная с 1566 г. правительство возвращает из ссылки почти всех стародубских княжат и в 1567–1572 гг. передает некоторые из стародубских вотчин их прежним владельцам²⁰⁷.

Можно полагать, что стародубский казенный список был включен в текст завещания в то время, когда он еще не утратил значения, т. е. в период около 1565–1567 годов. Как раз в этот период, а именно в марте 1566 г., Стародуб перешел в руки удельного князя В.А. Старицкого, и возникла потребность в точном разграничении казенных и удельных владений в Стародубе. Вероятно, Грозный включил в завещание список казенных стародубских вотчин, чтобы таким путем оградить владения сыновей в Стародубе от посягательств нового удельного владыки Стародуба. Позже Стародубское княжество перешло во владения М.И. Воротынского, и тогда Иван, как можно полагать, внес поправку в текст завещания: «да сыну же моему Ивану, – писал он, – ...стародубских князей вотчины, которые остались за мною у князя Михаила Воротынского...»²⁰⁸. В стародубском списке помечены не только крупные села, но и отдельные «жеребья» в селах, деревни, а также аккуратно поименованы прежние владельцы вотчин, не исключая вдов и детей. Все эти сведения выглядят в царской духовной как излишние подробности, неуместная дета-

лизация и т. д. По-видимому, мы имеем здесь дело с интерполяцией в тексте духовной. Датировка интерполяции подкрепляет предположение о том, что Грозный приступил к составлению завещания в первые годы опричнины.

На протяжении 10–15 лет после падения Избранной рады царь Иван составил по крайней мере два проекта завещания. Первый из них появился на свет вскоре после смерти царицы Анастасии и свадьбы царя с Марьей Черкасской летом 1561 г. В этом первом завещании Иван наказывал в случае своей смерти образовать при малолетних царевичах регентский совет. Большинство мест в нем предоставлялось боярам Захарьиным, дядьям царевичей. Подобная мера имела главной целью закрепить престол за детьми от первого брака, на случай появления детей от второй жены. В соответствии с духовной бояре, назначенные в состав регентского совета, принесли присягу на верность царевичам и царице Марье и утвердили «рукоприкладством» специальную запись относительно принципов правления, служившую приложением к царскому завещанию²⁰⁹.

Ко времени введения опричнины духовная начала 60-х гг. безнадежно устарела. Старый регентский совет почти полностью распался. Один из его членов князь П.И. Горенский был предан мучительной казни. Другой, И.П. Яковлев-Захарьин, подвергся кратковременному аресту. Еще один регент Д.Р. Юрьев-Захарьин умер. Место Захарьиных в ближней царской думе заняли новые лица, руководители будуще-

го опричного правительства: боярин А.Д. Басманов и князь А. Вяземский. Будучи осведомлены о старом завещании царя, они, естественно, старались как можно скорее аннулировать его, чтобы в случае смерти или отречения царя не дать Захарьиным вернуться к власти. Но Грозный взялся за составление духовной не только под влиянием домогательств новых советников. В конце 1564 г. Иван пришел к решению об отречении от престола. Подобный политический ход имел главной целью принудить Боярскую думу и «сословия» предоставить монарху чрезвычайные полномочия. Но такой шаг, как отречение от престола, таил в себе слишком большой риск. Иван и его ближайшее окружение должны были считаться с возможным согласием Боярской думы на царское отречение. В этом случае Грозному следовало серьезно позаботиться о закреплении престола за законными наследниками, царевичами. Официозные летописные отчеты о событиях, предшествовавших введению опричнины, обходят молчанием вопрос о том, в чью именно пользу отрекся Иван в январские дни 1565 года. Между тем некоторые хорошо осведомленные современники утверждают, будто Грозный прямо заявлял о намерении передать власть двум своим сыновьям²¹⁰. Косвенным подтверждением подобному известию служит завещание Грозного с его проектом своеобразного «раздела» страны между царевичами Иваном и Федором²¹¹. Самой поразительной чертой проекта «раздела» страны в царской духовной является то, что в этом проек-

те полностью игнорируется деление страны на опричнину и земщину и ни разу не упоминается даже самое имя опричнины. Полное умолчание об опричнине объясняется тем, что черновик царской духовной с проектом «раздела» страны между царевичами был составлен, по-видимому, в связи с отречением Грозного, еще до того, как был утвержден указ об опричнине, впервые точно определивший территориальный состав опричнины.

Предположение о том, что Грозный не раз возвращался к работе над завещанием в первые годы опричнины, подтверждается рядом косвенных данных. Как мы отметили выше, при написании духовной царь не мог обойтись без подлинных документов государственного приказного архива. Между тем до наших дней дошла подробная архивная опись 70-х гг., которая позволяет проследить важнейшие случаи обращения Грозного к архивам в период между 1562 г. и 1575 г. Хранители архива тех лет не только составили подробную опись архивных документов, но и регулярно вносили в опись пометы о посылке различных дел к царю²¹². В 1562–1575 гг. Иван не часто работал в архиве и, как правило, требовал к себе только единичные документы. Лишь в одном исключительном случае он провел в архиве полторы недели и за это время просмотрел много десятков документов. Произошло это в первой половине августа 1566 года. В те дни Грозный затребовал к себе духовные грамоты почти всех московских великих князей²¹³. 7 августа ему приносили лежав-

шие в архиве «грамоты докончальные и грамоты духовные и книги великих князей старых». В том же месяце (без указания числа) Иван затребовал к себе ящик с духовными грамотами Ивана Даниловича Калиты, Дмитрия Ивановича Донского, Василия Васильевича, княгини Е. Старицкой, а также «тетрадь-список 3 духовные великого князя Василия Васильевича», извлеченную из другого ящика²¹⁴. Одновременно царь проявил исключительный интерес к документации старинных «великих княжеств», а также удельных княжений. Он просмотрел «докончальные грамоты» великих рязанских князей (4 августа), «докончальные» Ивана III с тверскими князьями (7 августа), «грамоту Великого Новгорода посадников ноугороцких и купцов» (август), жалованные грамоты Сигизмунда III и Василия III Смоленску (8 августа), а также «докончальные грамоты» деда и отца с удельными князьями Андреем Углицким и Андреем Старицким (7-августа), «докончальную» отца с Юрием Дмитровским (13 августа), поручные грамоты на удельных князей Бельских, Воротынских, Мстиславских (6 и 7 августа), грамоту «Воротынских князей с Олександром королем» (8 августа), грамоты «Казимера короля Новосильским князем и Одоевским, как им королю служить и подати девяти» (14 августа) и т. д. Можно полагать, что названные документы послужили источниками для детализации разделов завещания, посвященных великим и удельным княжествам. Царь Иван благословлял наследника «своим царством Рускнм» (шапкой Мономаха и

Москвой), а также «своими великими княжествами», полученными от отца (Владимирским, Рязанским, Смоленским и т. д.), и крупнейшими уделами («а князи Одоевские, Оболенские, Воротынские... своими вотчинами сыну же моему Ивану к великому государству») ^{215,216}. Каждому из великих княжеств и важнейшим из уделов посвящены специальные разделы царского завещания.

В текст включено подробное описание «прожиточной» вотчины княгини Ульяны, вдовы Юрия Васильевича Углицкого. Примечательно, что в августе царь брал из архива «книги черные, что дано княгине, во иноцех старице Александре княже Юрьеве Васильевича в наделок вотчины...» ²¹⁷.

Помимо деловых грамот Иван брал из архива некоторые документы интимного характера, как то: дело о разводе отца с первой женой С. Сабуровой (7 августа), письма матери княгини Елены Глинской к отцу, а также собственные письма к царевичам (14 августа) ²¹⁸. Письма к царевичам заключали в себе немало наставлений и советов, часть которых, возможно, вошла в поучение «чадцам», включенное царем в духовное завещание.

Подбор документов, затребованных во дворец в первой половине августа 1566 г., свидетельствует, что в тот период царь Иван был занят, скорее всего, работой над духовной грамотой. Грозный вернулся к завещанию под влиянием

кризиса, возникшего после выступления против опричнины участников созванного в Москве Земского собора. В июле опричники казнили трех вождей фронды и подвергли торговой казни несколько десятков дворян. Спустя две-три недели царь приступил к работе в архиве.

Завещание не было завершено в августе 1566 г. В тексте духовной можно обнаружить целый ряд слоев, которые никак не могли появиться на свет ранее весны-лета 1572 г. Именно к этому периоду ведут упомянутые в завещании имена митрополита Антония и четвертой жены Грозного Анны Колтовской. После свадьбы с Анной царь, естественно, должен был переделать завещание.

На первых страницах духовной Иван наказывал сыновьям не забывать родной матери Анастасии и «благодатных матерей», умерших цариц²¹⁹. Казалось бы, в том же разделе он должен был определить взаимоотношения сыновей с их новой махечой Анной. На самом деле распоряжение относительно Колтовской и ее семьи попало на самые последние страницы завещания, не к месту. Иван наказывал отвести новой жене и возможным детям от нее крупные уделы с центрами в Ростове, Угличе и Зубцове²²⁰.

В самом конце завещания, после раздела о семье Колтовских, Грозный мимоходом упоминает об опричнине. Это упоминание отличается лаконизмом, не связано с основным текстом и помещено на самых последних страницах духовной. Все это позволяет предположить, что здесь мы имеем

дело с позднейшей интерполяцией в текст духовной. «А что есми учинил опришнину, – пишет он, – и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинен готов»²²¹. По-видимому, этот пункт был внесен в завещание во время последней основательной переделки его в 1572 г. После разгрома опричной верхушки в 1570–1571 гг. и победы земской армии над татарами летом 1572 г. Иван стал подумывать об отмене опричнины, чем и объясняется странное равнодушие его к дальнейшей судьбе любимого детища.

В духовном завещании Грозного практическим распоряжениям предпослано обширное литературное введение, распадающееся на две части, «исповедание» и «поучение чадцам». В отличие от других литературных произведений царя, здесь почти вовсе отсутствует элемент яростной полемики и изобличения противников, а излюбленные политические идеи Грозного облечены в форму страстной исповеди, сокровенных размышлений, самообличений и т. д.

В публицистическом введении привлекают внимание прежде всего жалобы царя на неблагодарность людскую: «тело изнеможе, болезнует дух... и не сущу врачу, исцеляющему мя, – пишет Иван, – ждах, иже со мною поскорбит, и небе, утешающих не обретох: въздаша ми злая възблагая, и ненависть за възлюбление мое»²²². Главными обидчиками царя оказываются самовольные бояре, изгнавшие его и заставившие скитаться по странам. «А что по множеству беззаконий

моих, божию гневу распростершуся, изгнан есмь от бояр, самоволства их ради, от своего достояния и скитаюся по странам, а може бог когда не оставит...»²²³.

По мнению С.Б. Веселовского, приведенные строки появились на свет незадолго до отмены опричнины. Но при таком понимании жалобы царя на изгнание и неблагодарность людскую превращаются в совершенную бессмыслицу. Старое боярство, самовольно распорядившееся в Боярской думе в пору всевластия Избранной рады, подверглось истреблению и разгрому в годы массового опричного террора в 1568–1571 гг. К концу опричнины из старых бояр в живых остались лишь считанные единицы. С.Б. Веселовский интерпретирует завещание таким образом, будто царь, жалуясь на неблагодарность людскую, имел в виду только опричников²²⁴. Но такая интерпретация не находит достаточного основания в самом тексте завещания. К тому же за год-два до отмены опричнины старое опричное руководство было разогнано: наиболее влиятельные члены опричной думы кончили жизнь на плахе, в тюрьмах и ссылке. Бессмысленно было бы жаловаться в 1572 г. на неблагодарность тех, кого давно уже не было в живых.

Жалобы Грозного приобретают вполне конкретный смысл, если предположить, что они появились накануне учреждения опричнины, т. е. в тот момент, когда царь впервые приступил к составлению новой духовной грамоты. В декабре 1564 г. Иван и его семья, захватив казну, покину-

ли «царство», Москву, и уехали в Александровскую слободу. Вслед за тем Грозный объявил, что из-за боярской измены он решил отказаться от власти, «оставил свое государство и поехал, где вселится, идеже его, государя, бог наставит»²²⁵. В завещании царь вполне откровенно объяснял причины своего отъезда «с государства» и отречения от престола. Он изгнан от своего достоинства самовольными боярами и в поисках места, «где вселится», вынужден скитаться «по сторонам». В строках царского завещания слышны прямые отзвуки драматических событий, предшествовавших введению опричнины.

Духовная Грозного проникнута тревогой, какими-то мрачными предчувствиями. С.Б. Веселовский угадывает в них смертельную тревогу царя перед лицом татарского вторжения лета 1572 года²²⁶. На наш взгляд, пафос завещания заключен в другом. Звучащие в нем трагические жалобы отражают то душевное смятение, которое владело Грозным накануне введения опричнины. В дни отречения от престола и отъезда в Слободу царь трусил и малодушничал, смертельно тревожась за будущее династии и судьбу сыновей. Как передают очевидцы, в связи с отречением Иван впал в тяжелое нервное расстройство, внезапно изменившее весь его облик. В течение каких-нибудь двух недель у него выпали почти все волосы на голове. Когда после десятидневного отсутствия Грозный вернулся в столицу, многие не могли узнать его,

так сильно он изменился²²⁷. В первых строках своего духовного «исповедания» Иван писал: ум «острюпись, тело изнеможе, болезнует дух, струпии телесна и душевна умножишася...»²²⁸. Как видно, жалобы на изнеможение тела и болезни духа, которыми начинается царское завещание, не были простой риторической фразой.

«Исповедание» Грозного содержит не одно поразительное признание. Царь сознается во всевозможных тяжких грехах и преступлениях: «срамословии», гнев и ярости, пьянстве и блуде, «граблении» и убийствах²²⁹. Покаяния царской духовной служили как бы предвестником тех чудачеств и сумасбродств, которым Иван предался в опричнине. Из отъявленных опричных палачей царь образовал своеобразное подобие монашеского ордена. Юродствующие братья делили свое время между застенком и церковью²³⁰.

В царской духовной покаяния переходят почти без всякой паузы в поучения и наставления любимым чадцам. Желая уберечь детей от собственных ошибок, Иван советует царевичам приобрести навык во всяком «обиходе», чтобы править самовластно. Он усердно внушает сыновьям милосердие по отношению к подданным: «а которые лихи, и вы б на тех опалы клали не вскоре, по рассуждению, не яростию»²³¹. Конечно, если бы царь вздумал поучать сыновей милосердию и снисхождению после кровавых оргий периода массового опричного террора (1568–1571 гг.), в его словах можно

было бы усмотреть сплошную ложь и лицемерие. Накануне опричнины этот совет звучал совсем иначе. Напомним, что при учреждении опричнины казни подверглось не более десятка человек и репрессии носили сравнительно умеренный характер.

Поучение «чадцам» Иван заканчивает родительским благословением: «А будет бог помилует, и государство свое до-ступити и на нем утвердитесь и аз благословляю вас...»²³².

На этом литературно-публицистическая часть духовной оканчивается, и далее следуют деловые, практические распоряжения.

Датировка завещания и анализ его публицистического введения имеют существенное значение для реконструкции источника в целом. Можно полагать, что первый черновой набросок духовной царь составил в дни отречения от власти на пороге опричнины. Черновик включал, по-видимому, обширное введение («исповедание» и поучение «чадцам») ²³³, а также общий набросок деловой части с проектом «раздела» страны и образования обширного удельного княжения для царевича Федора. В черновике проект был намечен, скорее всего, в виде общей схемы. В последующие годы царь многократно возвращался к завещанию, исправляя и дополняя его. В то время в текст завещания были включены, в частности, первое распоряжение относительно Новосильского удела ²³⁴, стародубский список вотчин ²³⁵. При последнем ре-

дактировании завещания, незадолго до отмены опричнины, Грозный переделал практическую часть завещания, по-видимому, самым основательным образом²³⁶, но в то же время внес мало изменений в литературную, вводную часть завещания. Даже при последнем редактировании черновик не был подвергнут окончательной правке, которая бы устранила имевшуюся там путаницу и согласовала противоречивые распоряжения различных лет. Иван не довел работы до конца и после опричнины вовсе забросил черновик завещания.

Синодик опальных царя Ивана Грозного является одним из самых значительных источников по истории опричнины. Как нам удалось доказать, синодик включает подробные списки опальных лиц, казненных по делу об «измене» Старицких в 1567–1570 гг.²³⁷ Дело Старицкого тянулось на протяжении трех лет и было крупнейшим политическим процессом царствования Грозного. По материалам этого процесса составлена основная часть синодика, охватывающая более девяти десятых его объема. В ней записано около 3200 опальных из общего числа примерно 3300 человек. Последний раздел синодика включает в себя разрозненные судные списки периода 1564–1565 и 1571–1575 гг. Он отличается значительной неполнотой.

В сравнении с крайне тенденциозными известиями иностранцев, из которых приходится черпать основные сведения о политической истории опричнины, синодик представ-

ляется источником более достоверным и полным. Значение синодика определяется тем, что в основе его лежат подлинные материалы опричных архивов. Исследование о синодике и полный текст реконструированного нами списка синодика опальных будут помещены во второй части настоящей работы.

Послание Таубе и Крузе. Биография авторов Послания известна достаточно хорошо. Печатник рижского архиепископа И. Таубе и дерптский фохт Э. Крузе попали в плен к русским в первые годы Ливонской войны²³⁸. Не позднее 1564 г. Таубе, предложивший свои услуги царю, получил свободу и поступил на московскую дипломатическую службу. Вскоре же Таубе и Крузе оказались в опричнине и в 1567–1571 гг. вели переговоры относительно создания в Ливонии вассального королевства. После коронации «ливонского короля» Магнуса лифляндские авантюристы получили громадные имения и думные чины. Однако в 1571 г. они изменили царю и подняли мятеж в Юрьеве, а затем бежали в Литву. Благодаря службе в опричнине Таубе и Крузе прекрасно ориентировались в опричных делах. Но записки их отличаются крайней тенденциозностью: оба ренегата стремились оправдать собственную двойную измену жестокостями царя.

Перевод Послания Таубе и Крузе гетману Я. Ходкевичу (1572 г.) осуществлен М.Г. Рогинским в 1922 г. До сих

пор это единственное издание Послания на русском языке. Но оно представляется совершенно неудовлетворительным вследствие двух обстоятельств: во-первых, в основу публикации положен неисправный немецкий оригинал (издание Эверса), и, во-вторых, издание осуществлено без всякого критического исследования²³⁹. Ю.В. Готье отметил в свое время наличие многих темных мест в немецкой публикации Г. Эверса, в распоряжении которого находилась неисправная копия Кенигсбергского списка Послания²⁴⁰. Но это замечание не помешало Ю.В. Готье дать русский перевод Послания по Эверсу. Перевод осуществил его ученик Г. Рогинский²⁴¹.

Задолго до того А.И. Браудо указал на издание некоего Г. Хоффа 1582 г., в котором текст Послания Таубе и Крузе перепечатан с небольшими изменениями²⁴². А.И. Браудо не придал особого значения своему открытию и произвел лишь единичные сличения текста названных изданий Послания.

Детальный анализ текста обнаруживает, что в перепечатке Хоффа, появившейся при жизни Таубе и Крузе, мы имеем дело с исправным и наиболее близким к оригиналу текстом Послания и что в позднейшем Кенигсбергском списке этот текст подвергся сильным искажениям.

Сопоставим рассказ Таубе и Крузе о первых опричных казнях по различным спискам Послания:

Кенигсбергский список по изданию Эверса (перевод

М.Г. Рогинского).

«...приказал он (царь. – *Р.С.*) повесить князя Петра Горенского, князя Никиту и Василия Оболенских незаменимого воеводу, который столько времени так верно служил великому князю в борьбе с татарами, Андрея Resensaw (Рязанцева)...»²⁴³.

Издание Хоффа 1582 г. (Перевод наш)

«...приказал он (царь. – *Р.С.*) повесить князя Горенского, князей Никиту и Василия Оболенских, незаменимого воеводу, который столько времени так верно служил великому князю в борьбе с татарами, Данилу Чулкова, Андрея Рязанцева...»

«...den Knes Peter Gorinsky den Knes Mitika und Knes Wassily Obilenky hencken, den teuren Kriegsmann, der im so lange Zeit wieder den Tattern so treulich gedienet Gidk Andrey Resensaw...»²⁴⁴ «Knaes Peter Garinskj (Knaes Milieta) und Knaes Wassilij Obijlenkj hencken. Den tewren Kriegsman (der ihm so lange zeit wider den Taetern so trewlich gedienen Danieln Gilkj) Andre Rasansow...»²⁴⁵

В издании Хоффа мы находим сообщение о казни Данилы Чулкова (Gilky), действительно прославившегося в войнах с татарами. В Кенигсбергском списке имя Чулкова опущено, а фамилия искажена (Gidk). М.Г. Рогинский не смог расшифровать фамилии Gidk и счел за лучшее опустить ее,

что и вовсе испортило текст.

В издании М.Г. Рогинского искажены очень многие цифры, фамилии, географические наименования, тексты речей и т. д. По Рогинскому, за Грозным в слободу ездил в 1564 г. высший маршал Михаил (?) Салтыков (Mie Салтыков Кенигсбергского списка), в действительности же оружничий Лев Салтыков (Leo Салтыков, по изданию Хоффа)²⁴⁶. При введении опричнины царь заявил об измене некоего выходца из рода Barbatta (Кенигсбергский список, имя не расшифровано М.Г. Рогинским), а на самом деле Горбатых (Garbatta по Хоффу)²⁴⁷.

По Рогинскому, в опричнину был зачислен город «Касина» (переведено как Кашин), на самом же деле Кашира (Kasiria, по изданию Хоффа)²⁴⁸. Согласно Кенигсбергскому списку, в Твери погибло 90 тысяч человек (цифра совершенно невероятная), по Хоффу – 9 тысяч²⁴⁹. (Этот факт отмечен А.И. Браудо.) Опричное братство насчитывало 500 человек (издание М.Г. Рогинского), 300 человек (издание Хоффа)²⁵⁰. По Рогинскому, опричники казнили в Клину 470 человек, переселявшихся в Москву из Переяславля. Не понятно, как они попали при этом в Клин? У Хоффа сказано, что переселенцы ехали в Москву из Плескова (Пскова) и еще из Новгорода²⁵¹. Этот факт засвидетельствован русскими летописями.

Искажения текста Послания объясняются не только неисправностью Кенигсбергского списка, но и неудовлетворительным переводом его на русский язык. Издание М.Г. Рогинского необходимо использовать критически.

В настоящей работе текст Послания Таубе и Крузе сверен с изданием Хоффа и наиболее важные отрывки текста переведены на русский язык.

Записки А. Шлихтинга. Немецкий дворянин Шлихтинг попал в плен к русским незадолго до введения опричнины. На Руси он бедствовал до тех пор, пока не определился переводчиком к царскому лейб-медику А. Лензею, прибывшему в Москву в мае 1568 года²⁵². На протяжении четырех лет Лензей посещал опричный двор, лечил царя и членов опричной думы. С некоторыми из них доктор поддерживал тесную дружбу²⁵³. Но Лензей совсем не знал русского языка и поэтому даже в дружественных беседах с руководителями опричнины не мог обойтись без услуг переводчика Шлихтинга, знавшего славянский язык. Этим обстоятельством и объясняется поразительная осведомленность скромного немецкого пленника.

В конце 1570 г. Шлихтинг бежал в Литву, где составил краткую записку «Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом, о жизни и тирании государя Ивана»²⁵⁴.

«Новости» не являются мемуарами в собственном смысле и содержат краткие показания фактического порядка, что придает им особую ценность²⁵⁵.

Литовское правительство оценило исключительную осведомленность московского беглеца и решило использовать его знания в дипломатических акциях против России.

В 1570–1571 гг. папа римский старался склонить Москву к участию в антитурецкой лиге. С этой целью он направил к царю нунция Портико, который, однако, был задержан в Варшаве королем Сигизмундом. Польская дипломатия пустила в ход всевозможные уловки, чтобы расстроить намечавшийся союз между Москвой и Римом и помешать поездке папского посла на Русь. В сентябре 1571 г. литовцы вручили папскому нунцию «Сказания» А. Шлихтинга о московском тиране. На посла сочинение произвело потрясающее впечатление. Уже 3 октября 1571 г. Портико сообщил в Рим о своем нежелании ехать в Москву ввиду «злодеяний» московского тирана²⁵⁶. Одновременно он переслал туда сочинение Шлихтинга. Ознакомившись с ним, папа римский решил немедленно прервать дипломатические сношения с Москвой. 30 ноября 1571 г. он написал польскому королю следующие строки: «Мы отказываемся полностью от московского дела по причине информации о жизни царя, полученной нами»²⁵⁷.

Польская дипломатия достигла своих целей, причем в ее

игре Шлихтинг оказался одним из главных козырей. Новое сочинение Шлихтинга называлось «Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича». Оно было составлено между февралем и сентябрем 1571 г. и носило совсем иной характер, нежели его первая фактическая записка. «Сказание» Шлихтинга – это памфлет на царя Ивана Грозного, составленный под присмотром королевских чиновников.

Ниже мы покажем, что «Сказания» Шлихтинга отличаются значительно меньшей достоверностью, нежели его первая Записка. В соответствии с целями польской дипломатии Шлихтинг сознательно фальсифицировал некоторые из известных ему фактов.

Сопоставление «Сказания» с царским синодиком опальных подтверждает вывод об исключительной осведомленности Шлихтинга относительно дел опричнины и в особенности ее казней.

Записки Г. Штадена появились в конце 70-х гг. XVI в. Состав и происхождение этого источника детально исследованы И.И. Полосиным²⁵⁸.

Послание итальянского купца Барберини выгодно отличается от показаний других иноземцев своей объективностью. По мнению издателя Послания В. Любич-Романовича, Барберини ездил в Москву в 1565 г.²⁵⁹. Но это не совсем

верно.

В действительности Барберини отплыл в Московию в июне-июле 1564 г. и был принят при царском дворе в сентябре того же года²⁶⁰. В Москве он находился до начала декабря и собственными глазами видел отъезд Грозного в Слободу²⁶¹. Барберини сообщает интересные сведения о приказном управлении Московии, о печатном деле на Руси, о нравах русского народа. Интересно, что итальянский купец посетил типографию первопечатника Ивана Федорова и принял от него заказ на партию типографской краски.

Пискаревский летописец представляет собой поздний летописный свод, составленный в Москве в 20-х гг. XVII века²⁶². Вопрос о значении и степени достоверности этого источника вызвал известные разногласия в литературе. О.А. Яковлева полагает, что в основе летописца лежат воспоминания какого-то московского приказного человека и что это – воспоминания очевидца, охватывающие период с конца 30-х гг. XVI в. до 1612–1615 гг.²⁶³. М.Н. Тихомиров показал, что записи Пискаревского летописца за указанный период слишком разнородны по стилю и политической направленности, а следовательно, не могут быть приписаны одному автору²⁶⁴. М.Н. Тихомиров отметил, что известия Пискаревского летописца об опричнине были записаны в начале XVII в., и высказал предположение, что они основываются на слухах и

позднейших устных преданиях и отличаются неточностью и недостоверностью²⁶⁵.

Последний вывод представляется нам не совсем верным. Наряду с легендарными мотивами Пискаревский летописец включает в себя много достоверных сведений об опричнине. По летописи, в 7077 г. царь Иван сослал В. Старицкого в Нижний Новгород, затем вызвал его на Богану и там опоил зельем вместе с женой и дочерью²⁶⁶. Факт ссылки Старицкого в Н. Новгород засвидетельствован Разрядами и записками очевидцев²⁶⁷. Современники Таубе и Крузе утверждали, будто со Старицким были казнены четверо его детей²⁶⁸. По Курбскому, погибли сыновья князя Владимира²⁶⁹. Значительно более достоверны сведения Пискаревского летописца, совпадающие с источником документального происхождения, синодиком опальных Грозного²⁷⁰. Пискаревский летописец оказывается единственным источником (помимо синодика), в котором точно названо место казни князя В.А. Старицкого. Согласно Пискаревскому летописцу, царь передал сыну Старицкого Василию Дмитровский удел. Этот факт подтверждается кирилло-белозерским летописцем XVI века²⁷¹.

В Пискаревском летописце указана дата погребения Е. Старицкой (7078 г.), не вызывающая сомнений. Рассказ летописца о казнях в Москве верно датирован (7078 г.) и в деталях совпадает с описаниями современников. Сведения

о казни 120 человек подтверждаются как синодиком опальных, так и свидетельством очевидцев казни²⁷².

Среди записей летописца легендарными представляются сведения об отравлении царицы М. Черкасской и убийстве Василия Старицкого после пожалования ему Дмитрова²⁷³.

М.Н. Тихомиров подвергает сомнению сведения Пискаревского летописца о «другой» казни на Москве в год воцарения Симеона Бекбулатовича²⁷⁴. Но сопоставление этих сведений с синодиком опальных подтверждает осведомленность летописца.

Синодик опальных

«Князя Петра Куракина, Иона Бутурлина с сыном и з дочерью, Дмитрея Бутурлина, Никиту Борисова... протопоп, подьячих 3 человеки, простых 3 человек... Протасия Михайлов Юрьев»²⁷⁵

Пискаревский летописец

«Положи царь опалу на многих людей:... боярина князя Петра Куракина, Протасия Юрьева, владыку Наугородцкого, протопопа Архагенского, Ивана Бутурлина, Никиту Бороздина, архимарита Чюдовского и иных многих казниша»²⁷⁶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.